

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

Ключ от Королевства

Марина и Сергей Дяченко

Ключ от королевства

Серия «Ключ от королевства», книга 1

<http://publ.lib.ru> Глюк Файнридера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134325

Ключ от Королевства: ЭКСМО; Москва; 2006

ISBN 5-699-14657-1

Аннотация

Случайная встреча на улице – и вот ты уже не просто ученица средней школы. Ты – маг дороги.

У тебя есть волшебный посох. Ты знакома с великим королем Обероном. У тебя появляются надежные друзья и страшные враги. Впрочем, иногда ты можешь стать врагом самой себе. И начинаются долгие странствия, где можно узнать предел собственным Силам, поверить и разочароваться, победить и потерпеть поражение.

Ты – маг дороги, и все дороги отныне твои.

Новая книга Марины и Сергея Дяченко обращена в первую очередь к юному поколению. Но и для читателей любого возраста найдется здесь свой ключ от своего королевства.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	44
Глава 5	56
Глава 6	70
Глава 7	85
Глава 8	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Марина и Сергей Дяченко

Ключ от Королевства

Глава 1

Оберон

Все началось в ноябре, темным дождливым вечером. Вернее, это был еще не совсем вечер – всего каких-нибудь пять часов! Летом в такое время еще можно загорать. А тут – темнотища, холод, и с неба сыплется не то морось, не то снежная крупа.

А у меня за плечами – тяжеленный школьный рюкзак, потому что сегодня было семь уроков и еще я взяла в библиотеке две книжки. И весит рюкзак килограммов десять, как у туриста. Разогнуться невозможно.

И я решила подъехать домой на троллейбусе.

Ждать пришлось долго. Проходили маршрутки, но все переполненные – люди в них стояли, скрючившись под низкой крышей. Собралась толпа, я уже стала жалеть, что не отправилась сразу пешком. И тут подошел троллейбус – набитый,

как бочка с селедками.

В троллейбусе был скандал.

Я так и не узнала точно, что произошло. Там ехала цыганка с цыганчатами – может, они обидели эту тетку, или тетка сама на них взъелась, но когда открылась дверь, цыганчата посыпались, как из мешка, а тетка выскочила на тротуар и закричала не своим голосом:

– Заберите этих щенков! Чтобы они сдохли! Чтобы вы все повыздыхали!

У меня всегда мурашки по коже, когда кто-нибудь так кричит. Вот у нас биологичка тоже... Когда она начинает орать, мне хочется не то убежать и спрятаться, не то вообще исчезнуть и не жить на свете. Ненавижу биологию.

А эта тетка кричала стократ хуже биологички. И мне захотелось не спрятаться, а... Сама не знаю. Подойти и встряхнуть ее за воротник? Так я и до воротника не дотянусь, она здоровенная, а я – от горшка два вершка.

Вся толпа от этой тетки брызнула в разные стороны. А я наоборот. Я к ней подскочила, и...

Мне расхотелось ее трясти. Она же только пуще разозлится. Поэтому я просто посмотрела ей в глаза и сказала:

– Нельзя так злиться. Нельзя!

И провела рукой, как будто вытирая запотевшее стекло.

И вот тут меня мурашки пробрали от затылка до пяток и в голове что-то сжалось. Сама не знаю, как так вышло. Тетка перестала кричать: глаза у нее раньше были мутные от нена-

висти, а теперь стали нормальные. И она заморгала, будто проснулась. Будто с нее сдернули черное непрозрачное полотно, и она увидела фонари вокруг, людей, меня...

Тогда я быстренько повернулась и, чтобы не видеть здесь никого и чтобы меня не видели, побежала по улице домой. Подумаешь – две остановки.

Сердце во мне колотилось как бешеное: я всегда, когда влезаю в какой-нибудь скандал, потом жалею. Ну что мне было нужно от этой тетки? Она же не на меня кричала?

С неба по-прежнему что-то сыпалось, и я постепенно начала остывать. Фонари отражались в мокром асфальте, получалось два ожерелья огней – одно в небе, другое под ногами. И я совсем было успокоилась, как вдруг заметила, что он за мной идет.

Сперва почувствовала – что-то не в порядке. Оглянулась раз – идет. Два – идет, не отстают.

Тогда я нарочно перешла улицу и заглянула в хозяйственный магазин. Долго ходила там вдоль прилавков, спрашивала, что сколько стоит, уже всем продавцам надоела. Прошло минут двадцать. Я выхожу...

Опа! А он стоит у ларька напротив и делает вид, что минеральную воду покупает.

Сначала я испугалась. А потом глубоко вдохнула и подумала: ну чего мне бояться? Еще не поздно, улица людная, народу кругом полно, вон менты на машине поехали. Что он мне сделает, старикашка?

Ему с виду было лет сорок. Плечистый, высокий, но не качок. Бородка аккуратная, коротко подстриженная. Пуховая куртка. Так посмотришь – вроде приличный человек. Ну чего он ко мне привязался?

К тому времени у меня плечи устали – сил нет. И живот потихоньку начал болеть от голода. Я за весь день только и съела, что бутерброд с сыром и «Чупа-чупс» в столовой.

И ноги озябли в сырых ботинках. Надо было идти домой, тем более что в шесть часов придет мама и, если меня не будет, закатит скандал.

С другой стороны, фонарь у нас во дворе третий день не горит. Подъезд может оказаться пустой. И лифт. Что, если этот дядька за мной в лифт полезет?

Может, подождать маму у гастронома на углу?

И тут меня зло взяло. Ну с какой это радости усталый, измученный, голодный человек, у которого еще уроки не сделаны, должен полчаса торчать под дождем потому только, что за ним увязался незнакомый хмырь?

Я развернулась и пошла ему навстречу. Думала, он ответит глаза и пройдет мимо – так нет же, смотрит прямо на меня!

– Чего надо, дядя? – спросила я довольно грубо. А как с ним еще прикажете разговаривать?

Думала, он сделает большие глаза, мол, что такое, с чего ты взяла, иду, мол, по своим делам... Но он даже притворяться не стал:

– Поговорить надо.

От такой наглости я опять немножко струхнула. А в следующую секунду он как схватит меня за локоть, как дернет куда-то – я еле на ногах устояла. А может, и шлепнулась бы, если бы он меня не держал.

А в это время мимо проскочил троллейбус на полной скорости, в лужу колесами – плюх! И то место, где я только что стояла, обдало грязной водой, будто из поливальной машины.

Этот дядька меня отпустил.

– Пойдем? – говорит.

Я поправила рюкзак – он уже к тому времени килограммов сто, наверное, весил. Ну что делать в такой ситуации?

И побрели мы рядышком. Вернее, я пошла, как ни в чем не бывало, домой, а он со мной – шаг в шаг. Не отстает. Молчит.

Я не выдержала.

– Ну говорите, – говорю.

– Что?

– Говорите. Начинайте.

– Да я не знаю, с чего начать...

Как-то очень по-честному он это сказал. Когда наша классная говорит: «Я даже не знаю, что тебе сказать», – это полемический прием, другими словами, вранье. Прекрасно она знает: такая, растакая, школьный пиджак не надела, на физкультуру без формы, с биологичкой опять поругалась...

А этот дядька и в самом деле не знал, что мне сказать. Зачем тогда увязался, спрашивается?

– Тогда зачем вы за мной... идете?

– Потому что очень важно, чтобы ты мне поверила.

– А чего это мне вам верить? Я вас в первый раз вижу!

И я на него покосилась – снизу вверх. Он, конечно, не похож на тех злодеев, которыми нас в школе пугают. С другой стороны, настоящий злодей и должен выглядеть приятно – чтобы не вызывать подозрений. Чтобы своим видом завораживать жертву.

– Ну, – заговорил он снова, – если я начну с того, что меня зовут Оберон... Ты мне, конечно, не поверишь.

– Оберон... Аргон, неон, криптон, ксенон, – пробормотала я себе под нос. У нас в кабинете физики таблица Менделеева висит, здоровенная, во всю стену. Я ее со скуки наизусть выучила. Из тамошних названий имена хорошие получают. Командир космического корабля Барий Рубидиевич... достойно звучит.

– Скажи, пожалуйста... а что ты сделала на остановке?

У меня опять мурашки по спине побежали.

– Когда? На какой остановке?

– С женщиной, которая кричала.

– Я ничего не сделала. Я просто ей сказала, что так нельзя.

И ушла. А вы видели, что ли?

– Я видел... Ты ей не просто сказала. Иначе бы она еще хуже разоралась бы. Ты не просто сказала – ты *сделала*. Осо-

знанно? Или случайно?

– Случайно, – сказала я. – И ничего я не делала. Я ее пальцем не коснулась. Если вы видели, то вы и должны...

– Погоди. Ты ее коснулась не руками.

– А чем же?

И я начала смеяться. Не потому, что мне сделалось смешно, – боже упаси, у меня зуб на зуб не попадал. Просто надо же было показать этому человеку, что я его не боюсь и все его домыслы – ерунда на постном масле.

– Ты меня испугалась?

Опять он очень честно спросил. И честно удивился. А как же: в темноте увязывается за девчонкой здоровенный мужик, бородатый, почти старый. Называется Обероном. Задаст дурацкие вопросы. И еще удивляется, что мне чуть-чуть не по себе.

– Не бойся, – сказал он. – Я же не затем, чтобы тебя ругать. Наоборот, я давно ищущу кого-нибудь похожего на тебя. Который умеет то, что ты сделала сегодня на остановке.

– Да я ничего не умею! Это было случайно, понимаете? Мне просто... всегда плохо, когда кто-то орет, ссорится. Я хотела, чтобы она замолчала!

Я запнулась. Выходило так, что я оправдываюсь. А с какой стати?

Мы шли все медленнее и медленнее и наконец остановились перед витриной гастронома. Налево, во двор, второй подъезд, восьмой этаж; только я ни за что не пошла бы туда

со странным дядькой на хвосте. Дураков нет.

– Ты бы хотела попасть в Королевство?

– В Англию, что ли?

– Почему в Англию?

– Потому что Великобритания – Соединенное Королевство.

– Нет. Не в Англию. В Королевство.

– Нет, спасибо. Лучше вы сами.

– Ладно. – Он не обиделся. – Я тебе дам одну вещь. Когда решишься – бросишь ее на землю. Я буду ждать.

И сунул мне теплый шарик в ладонь.

– Ну, до свидания...

Он уходил по улице, все дальше и дальше, а я смотрела ему вслед. Надо же убедиться, что он в самом деле ушел и не сможет за мной погнаться.

Огляделась – не следит ли кто-нибудь еще?

Нырнула во двор. Взлетела по лестнице в парадное. Бегом проскочила в лифт.

И там уже разжала ладонь.

* * *

На другой день у меня было особенное настроение с самого утра. Пускай не выпалась, пускай скандал случился ни свет ни заря: за столом Петька кидался кашей в Димку, а Димка бил ложкой Петьку по голове. Я отвесила подзатыль-

ники обоим, чтобы не орали. Пришла мама и отвесила подзатыльник уже мне – потому что я, видите ли, взрослая и должна следить за порядком, а не драться. Я схватила бутерброд со стола и так, с бутербродом в одной руке и рюкзаком в другой, выскочила на лестничную площадку. Поставила рюкзак на перила, сунула руку в карман куртки...

Он был стеклянный и немного светился изнутри. Внутри шарика стекло колыхалось, как студень, и в этом студне плавал ключ – с виду медный, с зелеными пятнышками на бородке, он замирал, когда я прямо на него смотрела. А когда я отводила взгляд и косилась исподтишка – он начинал медленно поворачиваться и мерцать, как далекая звездочка.

Ключ от Королевства.

Я будто разделилась надвое: одна моя половина прекрасно понимала, что шарик – просто красивый сувенир, а вчерашний дядечка – в лучшем случае мирный сумасшедший.

Но у меня было особенное настроение с самого утра. Потому что вторая половина уже всю играла в Королевство. Где зубчатые скалы, замок на горе и лес вокруг. Потому что невозможно всерьез принимать этот ноябрь, этот дождь и вечную темень. Можно же верить во что-то красивое...

Я мечтала три урока подряд. На перемене между третьим и четвертым заявила в столовую – и наскочила там на трех идиотов из десятого «Б».

– А кто это такой? – очень громко спросила Зайцева у Лозовой. – Почему эта девочка из второго класса пришла в

столовую на взрослой перемене? Время малышей – между вторым и третьим уроком. Я права?

Лозовая заржала. Хворостенко захихикала, Эта Хворостенко живет в нашем подъезде и, когда встречает меня в лифте, смотрит в сторону – просто не замечает. А когда рядом Зайцева – проходу не дает, все ищет, к чему прикопаться. Это проверено.

– Девочка, девочка, в каком ты классе?

Зайцева знает, в каком я классе. Ей просто кажется очень смешным, что я маленького роста. Ей кажется это настолько забавным, что она всякий раз придумывает новенькую шутку – все на ту же нестареющую тему.

А я расту. Я почти каждый день отмечаю свой рост на дверном косяке. Я в самом деле становлюсь больше, просто мои одноклассники растут тоже, и у них получается быстрее...

– Девочка, а девочка, а может, ты карлик?

У меня в руке был стакан с яблочным соком. Р-раз – и Зайцева оказалась мокрой с головы до ног: и лицо, и пиджак, и волосы.

– Ах ты, гадина!

Я не успела отскочить. Мокрая Зайцева заехала мне кулаком по физиономии, так что в глазах на секунду стало светло-светло. Лозовая вцепилась в волосы – хорошо, что у меня короткие волосы, не так-то просто удержать...

Я запустила в Зайцеву стаканом. Стакан отлетел от ее живота и разбился на полу; полетели в разные стороны осколки.

Хворостенко заверещала.

Кто-то налетел и вцепился в меня сзади; я, не глядя, лягнула каблуком.

Оказалось, это биологичка.

* * *

– Если тебя обидели словесно – ну так и отвечай словесно! Что это за дикость – жидкостью в лицо?! Что это за хамство – драться? Ты посмотри на себя! От горшка два вершка, а агрессивная, как уголовник!

Завучиха возвышалась передо мной, будто айсберг –

меньшая часть над столом, большая – невидимая, под столом на стуле. Завучихе легко и просто сказать мне, что я – от горшка два вершка. А если я скажу ей, что она – жирная корова...

Ой, что будет!

Или хуже все равно уже ничего не будет? И можно спокойно сказать, что думаешь?

В этот момент завучиха меня ненавидела. Не за яблочный сок, и не за разбитый стакан, и даже не за синяк на ноге биологички. Она готова была меня убить за все плохое, что было в ее жизни. Как вчерашняя тетка ненавидела цыганчат – не за то, что они грязные и попрошайки, а за то, что у тетки был тяжелый, серый день – один из многих, и так до самой смерти.

Глядя в поцарапанный линолеум, я снова вспомнила все, что было на остановке. Как я будто отодвинула черную плену, тетка замолчала, захлопала глазами, лицо ее из остервенелого вдруг стало нормальным, даже добрым...

Может, и с завучихой так получится?

Я подняла глаза.

Нет, не получится. Я поскорее снова потупилась – в пол смотреть безопаснее.

– Ты знаешь, что с четырнадцати лет наступает уголовная ответственность?

Мне еще только тринадцать исполнилось. Вон у Зайцевой уголовная ответственность давно наступила – и что?

– Ступай домой – немедленно. Приведи мать – немедленно.

– Она на работе.

– Значит, ступай на работу... Или я сама к ней пойду!

* * *

Было еще светло. Еще даже уроки не закончились.

Зайцева, Лозовая и Хворостенко преспокойно сидели на какой-нибудь географии и перемигивались со своими мальчишками. Героини.

Мой рюкзак остался в учительской. И даже лучше: не надо таскать на спине такую тяжесть.

Я села на скамейку возле школьных ворот. Идти к маме на работу – полное безумие. Во-первых, у себя в конторе она всегда занята, ей даже звонить можно только в крайнем случае. Во-вторых...

Я даже не стала додумывать эту мысль до конца. А просто вытащила из кармана куртки стеклянный шарик с плавающим ключом.

Теперь он не казался волшебным. И все особенное настроение, которое было у меня с утра, испарилось. Ключ от Королевства... вот вам ключ от Королевства, в Королевстве город...

Идите вы все в баню со своими сказками!

Я со злостью размахнулась и забросила шарик в кусты.

Надо было пойти вчера с этим дядькой. Пусть бы он оказался маньяком, заманил меня в лес и убил. И сегодня завучиха, вместо того чтобы шипеть на меня, трагическим голосом объявила бы на школьном собрании о моей смерти. И целый месяц в школе только и было бы разговоров, что обо мне – какая я была, в сущности, неплохая девчонка...

Я рассмеялась. И опять не потому, что мне было смешно, – а потому, что это самая глупая малышова мысль: пусть я умру, и они все попляшут. Детский сад, честное слово. Почему я должна умирать? Из-за Зайцевой?

Мне стало жалко шарик. Все-таки он был прикольный. Его можно подарить Петьке и Димке... Правда, они из-за него подерутся. Ладно, можно объявить между ними соревнование: кто будет лучше себя вести – тому дам шарик ненадолго поиграть.

Вот так примерно размышляя, я поднялась со скамейки, подошла к голым кустам и, наклонившись, стала высматривать на земле шарик.

Шарика не нашлось – в раздражении я очень далеко его зашвырнула. Но кусты были не особенно густые, поэтому я, присев на корточки, потихоньку в них залезла.

Шарика не было. Я посмотрела направо и налево; на земле, голой и гладкой, имелся фантик от конфеты и размокший окурок. Куда же, елки-палки, я его забросила?

И я продвинулась еще немного вперед. Кусты уже должны были закончиться – за ними газон, где летом водятся кузне-

чики. Может быть, шарик на газоне?

Я полезла вперед, как медведь сквозь чащу. Газона не было! Я обернулась – дорожка тоже скрылась за сплетенными ветками. Куда ни посмотришь – кусты, кусты, кусты...

Тогда я выпрямилась. Был, конечно, риск, что меня увидят из окна учительской, и тогда ко всем моим провинностям прибавится еще и «разорение зеленых насаждений»...

Я огляделась вокруг – и почти сразу тихо заорала.

Глава 2

Аудиенция

– Вот, ваша милость, мальчишка забрался в королевский сад. Наша вина, недоглядели. Хотя, лопни мои глаза, как он пролез? Изгородь вроде целая...

«Ваша милость» был высокий старик, одетый в черное. Глядя на него, я поняла, что наша завучиха – милейшей души женщина и красавица к тому же.

Тот, что меня поймал, и сейчас еще держал мои руки заломленными за спину. В жизни никто со мной так не обращался – даже Зайцева.

– Пусти!

– Ишь ты, еще дергается. Так вам его оставить, ваша милость? Или уж по-простому, отодрать кнутом да отпустить?

Я задержалась сильнее, но мужичок так крутанул мне локти, что пришлось успокоиться.

– Не выйдет по-простому, – сказала «милость» скрипучим, как ржавые петли, голосом. – Мальчишка-то непростой, издали видать... А ну, говори, стервец, чего тебе в саду надо было?

– Меня пригласили! – О том, что я вообще-то девчонка, страшно было и заикаться. – Мне дали ключ!

– Ключ от сада?

– Ключ от Королевства!

– Вот как? – Крючковатый нос «милости» описал в воздухе сложную фигуру. – Кто?

(Неон? Криптон? Ксенон? Как его звали-то?!)

– Оберон. – Я обрадовалась, что помню его имя.

Хватка того, что держал меня за локти, чуть-чуть ослабла. Видно, Оберона тут знали.

– Врешь, – предположила крючконогая «милость». – Сторож, яблок-то он много натрусить успел?

– Не нужны мне ваши яблоки! Я к ним не прикаса... лся. Я из другого мира, у меня редкие способности, Оберон меня специально пригласил!

– Тронутый мальчонка, – с сочувствием сказал сторож и наконец-то выпустил меня. «Милость» молчала, уставив желтые круглые глаза.

Я посмотрела на свои руки. Остались красные вмятины от пальцев сторожа – наверное, будут синяки. Но все это ерунда по сравнению с кнутом, который мне скоро светит!

– Я говорю правду, – сказала я, стараясь не зареветь.

Вокруг было темно и гулко. Горели факелы, продетые в крепления на стенах. Высокий потолок был закопчен до черноты. Ну где же, где наша милая учительская? Где полки с классными журналами, где наглядные материалы на вере-

вочных петельках?

Какого лешего мне понадобилось в этом проклятом «королевстве»?!

– Я говорю пра... хотите, спросите у Оберона... ну пожалуйста.

– И как, – спросила «милость» после долгого неприятного молчания, – как спросить о тебе, сопляк?

– Скажите, Лена Лапина...

«Милость», кажется, поперхнулась. И я поперхнулась тоже. Я вспомнила, что там, на ноябрьской дождливой улице, Оберон не спросил, как меня зовут! А вздумай спросить – я бы не сказала. Не говорю я своего имени незнакомцам.

– Как есть тронутый, ваша милость, – заступился за меня сторож. – Видно же – не в себе. Давайте, я его кнутом – так, для порядку только... И пусть себе идет...

– Отведи в каземат, – скучным голосом сказала «милость». – Дело непростое.

* * *

Я вообще-то люблю животных. И даже мышей и крыс. Но тут их было как-то слишком много, и они вели себя нагло.

Я с ногами залезла на деревянную скамейку, она шаталась и скрипела подо мной, грозя обрушиться. В темнице не было факела, только светилось маленькое окошко. Крысы сновали вдоль стен, и казалось, что пол шевелится. А в

дальнем темном углу лежала куча тряпок, от нее вела цепь, как шнур от телевизора, только не к розетке, разумеется, а к большому кольцу в стене. Эта куча лежала так неподвижно, что уже через полчаса напряженного сидения то на корточках, то на коленях мне было совершенно ясно: это истлевший труп предыдущего узника.

Хорошенькие дела творятся в вашем Королевстве!

Хочу домой, мысленно взмолилась я. Хочу в кабинет директора – «на ковер». Хочу скандал с мамой. Пусть орут Петька и Димка, пусть отчим для виду уговаривает маму быть помягче, а на деле еще больше против меня настраивает. Даже если меня отдадут в школу для неисправимых малолетних преступников – хуже, чем в этом подземелье, наверняка не будет...

И когда я шепотом пообещала прилюдно попросить прощения у Зайцевой – закрипела дверь. От этого скрипа у меня слиплись в комок внутренности и очень захотелось в туалет.

На грязный пол упала полоса света. Крысы неторопливо разошлись по норам – будто для приличия. Некоторые даже не спрятались совсем: там и тут было видно, как торчат из щелей острые усатые морды.

– Выходи, – сказали снаружи.

Кроме одетого в черное старика («его милости»), у входа в темницу обнаружили два стражника в коротких малиновых штанах, в полосатых не то кафтанах, не то камзолах. У

них были такие суровые лица, что я совершенно уверилась: ведут меня либо на плаху, либо в камеру пыток.

– Можно в туалет?

– Что?

– Ваша милость, – от отчаяния я решила подлизаться, – можно мне в туалет?

Я не ждала, что мне ответят, но процессия («милость» впереди, я между двух стражников позади) замедлила ход.

– Отведи, – сказал старик усатому стражнику (второй был без усов, зато с бородкой клинышком)

Тот взял меня за плечо – правда, не больно, а так, «для порядку», – и повел по лабиринту коридоров.

Я потихоньку оглядывалась. Бежать тут было некуда – заплутаешь в два счета. Некоторые коридоры походили больше на щели, и стражнику приходилось протискиваться в них боком. Между прочим, мой малый рост и малый вес могли бы сослужить мне службу: на открытом месте кот всегда догонит мышь. А в лабиринте узких ходов – фиг вам!

Правда, стражник наверняка знает этот лабиринт как свои пять пальцев. В отличие от меня.

– Пришли. Смотри не провались.

Он подтолкнул меня к низкой двери и подсветил факелом.

Даже мне пришлось пригнуться – а такие, как он, должны были чуть ли не на четвереньках входить сюда.

Шумела вода. Глухо. Еле слышно. Далеко внизу. Я подождала, пока глаза привыкнут к полумраку...

И это называется туалет?!

Довольно просторная комната, и в центре ее – дыра. Я осторожно, очень осторожно, подошла, заглянула...

Внизу текла речка. Натуральная река – полноводная, как Днепр. А я находилась над ней на высоте, наверное, стоэтажного дома. И вниз уходили отвесные стены – вниз, вниз...

Мне сразу расхотелось пользоваться этим туалетом. Мне вообще всего расхотелось, кроме одного – немедленно заплакать.

– Эй! Ты долго там?

Я выбралась через низкую дверцу, прищурилась от света факела. Пусть уж ведут меня, куда знают. Пусть.

* * *

Зал, в который меня втолкнули, оказался величиной с наш стадион, а высотой, наверное, с десятиэтажку – если в ней поломать перегородки между этажами. И в этом зале наконец-то были окна; в окна светило солнце, это был нормальный человеческий свет, даже радостный какой-то – не осенний, не зимний. Лето или поздняя весна.

Посреди зала стоял трон и спинкой почти доставал до потолка. Тот стражник, что водил меня в туалет, наклонил мою голову к полу – немного, но решительно.

– Благодарю за службу, – послышался голос непонятно откуда. – Теперь оставьте нас.

Затюкали железные каблуки по каменному полу. Чуть слышно хлопнула дверь. И стало тихо, а я все смотрела на свои ботинки – не решаясь поднять голову.

Кто-то прошел мне навстречу. Остановился рядышком:
– Лена?

Я сначала узнала его голос и только потом отважилась на него посмотреть.

...Ну почему, почему он мне сразу не сказал, что он король?!

Даже если не считать золотой короны на голове, мантии из горноста и всего прочего, во что он был одет. У него было такое королевское лицо...

– Здравсьте, – сказала я и заплакала.

– Ты, наверное, случайно вошла, – сказал Оберон. – Иначе бы я тебя встретил.

Он не обращал внимания на мои слезы – будто не замечал их. От этого мне легче было успокоиться.

– Я вообще никуда не входила. Я бросила шарик в кусты... А потом полезла искать...

– Ну, понятно. – Он положил мне руку на плечо. – Извини, что так вышло. У нас есть теперь две возможности: либо я тебя сразу же отправлю домой...

– Да! Да!

– ...Либо все равно отправлю домой, только сперва мы с тобой посидим, поговорим, я тебе расскажу...

– Нет! Ничего мне не надо! Только домой!

Он, кажется, огорчился:

– Ты уверена? Я понимаю, ты устала, голодная, но здесь же есть вкусная еда, теплая вода, если ты хочешь помыть руки...

– Я хочу домой, и все.

– Не бойся. Ты в полной безопасности. Я обещал тебя вернуть – и я верну. Один шаг, и ты будешь дома, но все-таки подумай...

Не слушая его больше, я шагнула.

Это был самый длинный шаг в моей жизни.

* * *

Я сидела на скамейке у школьных ворот, и все мои проблемы никуда не делись. Рюкзак с книжками и тетрадками – в учительской, мама – на работе, синяк – под глазом и большой скандал – не за горами.

Глава 3

Королевство отправляется в путь

Вы можете похвастаться, что у вас есть знакомый король? А король в золотой короне? В мантии? С аккуратно подстриженной бородой?

А у меня был знакомый король. Был – но я добровольно отказалась от этого знакомства.

Надо ли говорить, как страшно я жалела?

Что мне стоило хотя бы выслушать его? Ведь что-то он хотел же мне предложить? Может, ему нужна была принцесса? Или кто там еще может понадобиться королю – в волшебном-то Королевстве?

«Очень важно, чтобы ты мне поверила». Так он говорил в первую нашу встречу. Я помнила тот разговор до мельчайшей подробности, до единого слова. И все пыталась понять: от чего же я так по-глупому отказалась?

С мамой мы не разговаривали почти месяц. Она хотела, чтобы я первая пришла мириться, чтобы попросила прощения. А за что? Конечно, в темнице, где крысы и чей-то скелет в углу, захочешь мириться даже с Зайцевой. А так... Ну

должно же быть на свете хоть немножко справедливости!

Каждый день (ну, почти каждый, когда мне не мешали) я лазала в тех кустах напротив лавочки. Разумеется, шарика с ключом не нашла. Разумеется, кусты были самые обыкновенные – с одной стороны асфальтированная дорожка, с другой – газон. Ни королевского сада (а я его как следует даже не рассмотрела), ни замка (а какой он красивый!), ни намека на другую жизнь.

– Лапина, что ты там делаешь? Перестань ломать кусты немедленно!

Так я и жила, кусая локти, пока не выпал снег. А новый снег – это немножко новая жизнь: кажется, теперь все будет лучше и интереснее.

Уже приближался Новый год, а значит, каникулы. А значит, контрольные. Новая полоса препятствий: только с мамой помирились – и заново повод для ссоры. Вообще-то я круглой идиоткой в классе не считалась, задачи нормально решала и писала почти без ошибок, но вот водилась за мной особенность: как ни контрольная – так провал. Волнение тому виной, или невезение, или еще что-то, только учителя мне сами признавались: у тебя, говорят, в таблице оценки на порядок ниже, чем ты обычно заслуживаешь. Не умеешь ты писать контрольные. Учись, мол, сосредотачиваться, жизнь нас судит по экзаменам, и так далее.

И вот все витрины в гирляндах, елки то там, то здесь, Новый год на носу... А я иду домой на другой день после кон-

трольной по алгебре.

С оценкой в дневнике.

Снег пошел... Мохнатый такой. Хлопьями. А у меня настроение – хоть садись в сугроб и засыпай до весны.

Заворачиваю я к себе во двор и вижу: на скамейке рядом с подъездом кто-то сидит. Ничего особенного: там вечно то старушка отдыхает, то парень девушку ждет. А тут сидит мужчина в пуховой куртке, в шапке, и давно сидит – снег уже сугробами на плечах.

Прохожу я мимо, к подъезду, гляжу под ноги, читаю следы на снегу... Полозья – кто-то тяжелые санки протащил... Рифленые ботинки... Коньки – это Катька, соседка, на коньках по снегу катается... дура... Иду – и на мужчину этого искоса, ради любопытства – зырк!

А это Оберон.

* * *

У меня ноги так к снегу и примерзли.

Обозналась, думаю. Вдруг это совсем другой человек, просто похожий?!

И сразу же понимаю: не переживу такого разочарования.

Но это он, точно он. Бородка аккуратно подстрижена. Глаза внимательные. И лицо королевское. Без короны, без мантии, но посмотри внимательно – и все поймешь.

Я стояла перед ним минуты три. Снежинки щеки касались

– и таяли сразу, такая у меня была горячая физиономия.

Наконец он скамейку рядом с собой от снега отряхнул – голыми руками, без перчаток, без варежек.

– Здравствуй, Лена. Присядешь?

– Здравствуйте...

Я подошла, но садиться сразу не стала. Вот здорово мечтать о чуде, а когда оно приходит, все-таки страшно. Если честно – дыхание перехватывает.

– Здравствуйте, – сказала я громче (вдруг он первый раз не слышал?), – ваше величество...

– Садись.

И я села с ним рядышком.

Мы сидели на виду у всего дома. Если бы кто-то из соседей сейчас выглянул в окно, а потом спросил бы меня, с кем это я разговаривала... Я бы соврала, наверное, что это мой учитель. Или отец подружки.

Ни за что, никому я не сказала бы, что это король-волшебник.

А мне так хотелось! Так хотелось, чтобы они об этом знали!

– Ну, как у тебя дела? – спросил Оберон.

Я хотела сказать сразу: «Плохо». Учителя придираются, алгебра уродская, контрольную завалила. Заберите, мол, меня в Королевство...

А потом подумала: как я ему, королю, буду признаваться в собственной глупости, скулить о какой-то «паре»?!

– Хорошо дела. Спасибо. А как у вас?

– У нас похуже. – Оберон рассеянно стряхнул снег с плеча. – Мы отправляемся в путь... Это опасно.

Я растерялась:

– Вы куда-то уезжаете?

– Да. И далеко.

– Вы бросаете замок, сад... Вы бросаете свое Королевство?!

– Нет. Я веду Королевство – на новые земли... А замок и сад бросаю, да. Они живут своей жизнью. Они мне надоели.

Я поводила подошвами по снегу, будто шлифуя. Оберон говорил непонятно, и я, честно говоря, ждала совсем другого.

Я ждала, что он пригласит меня в замок. Лучше на бал. Или нет – лучше на турнир... Да все равно, лишь бы в Королевство. И пусть все ему кланяются, а он мне, вот так, за просто: заходи, мол, Лена...

И, будто услышав мои мысли, он вдруг сказал:

– Пойдем?

Хлопья завертелись у меня перед глазами. Я шлифовала и шлифовала снег под скамейкой, уже до асфальта протерла и все не могла понять: почему же мне так страшно? Ведь я хотела, мечтала, ждала... Дождалась – и трусливо хочу удрать. Нырнуть от него в подъезд. Чтобы все было снова скучно, плохо, трудно...

Обыкновенно.

– А меня мама ждет, – сказала я и покраснела еще больше. Потому что знала, что мама на работе и будет к шести. Пусть я пудрю мозги учителям, но как я посмела соврать королю Оберону?!

– То есть она будет ждать, – поправилась я. – Если меня не будет... к шести.

– У Королевства есть закон, – он смотрел мне прямо в глаза и говорил, как обычно, очень спокойно и по-честному, – если человек входит в него из вашего мира, он возвращается обратно в ту же точку. В тот же час. То же самое верно наоборот: я перешел в ваш мир, когда мой канцлер начал: «Путеше...» Я успел погулять по городу, подождать тебя здесь на скамейке. А когда вернусь – канцлер скажет «..ствие» и преспокойно продолжит свой доклад. Да что я рассказываю: ты ведь помнишь, как было в прошлый раз?

Я, конечно, помнила.

– А вы потом вернете меня обратно?

– Слово.

Если бы наши мальчишки умели вот так сказать: «Слово», и чтобы сразу, безо всяких клятв, стало ясно: этот не предаст!

Но это что же получается? У меня совсем-совсем не осталось оправданий для трусости? Мама не будет волноваться. В Королевстве я навечно не застряну. Экскурсия – туда и назад. Лучшее в мире развлечение...

Развлечение?

– Простите, ваше величество... А зачем я вам все-таки нужна?

* * *

Здесь не было зимы. Так что я сразу сбросила и куртку, и шапку, и шарф. И сняла бы ботинки, если бы не колготы под брюками. Ходить в колготах по траве – что может быть глупее?

Но и жарко не было. Воздух... В прошлый раз я его как следует не разнюхала. А в нем плыли одновременно запахи и леса, и моря, и дождя.

На этот раз Оберон вышел меня встречать, и слуги у ворот замка замерли в поклоне. Конечно, они кланялись королю. А так выходило, будто и мне немножко.

– Ты не запыхаешься, если по лестнице долго подниматься?

Я помотала головой. Не очень люблю лестницы – серые,

унылые, с бесконечными одинаковыми пролетами. А по этой шла бы и шла до самого неба: она вилась внутри замка, то пряталась в башню, то снаружи лепилась к стене, и тогда захватывало дух, потому что лестница была без перил.

Чем выше мы поднимались, тем шире становился окружающий мир. С одной стороны горизонта высились зубчатые скалы; с другой – лес без конца и края, с третьей – город под красными крышами, с флюгерами и узкими улочками, и за городом снова лес. А с четвертой – море, на море цветные паруса и далекий остров на горизонте.

– Это Королевство, да? Все это – Королевство?!

От восторга я потеряла осторожность; Оберон взял меня за локоть и аккуратно отодвинул от края лестницы:

– Я все тебе расскажу. Сюда...

Вслед за ним я вошла в полукруглую арку. Он пригнулся в проеме, я – нет.

За нашими спинами задвинулась портьера.

Я огляделась.

Круглая комната. Письменный стол – не такой, конечно, как у нашей завучихи, а королевский, дубовый. Резной трон – точная копия того, что в тронном зале, только поменьше. И книги, книги, какие-то свитки, бумаги, у стен – мраморные плиты с непонятными символами. Гадкая маска на стене, сделанная из очень некрасивой кожи, полуистлевшей, полюбгоревшей. Я решила на нее не смотреть.

Стеклянные пирамидки и шарики на веревочках, солнце

светит сразу в три окна, по деревянному потолку прыгают солнечные зайчики. А на полу песок. Толстенный слой, как на самом чистом пляже. Теплый – я рукой потрогала. Оберон прошел по песку к своему трону – осталась цепочка следов. И следы эти почти сразу стали изглаживаться, таять, как будто дует сильный ветер (а ветра в комнате не было), как будто проходят годы и годы, века...

Мне стало не по себе. Я где стояла, там и села прямо на песок. Даже куртку не подстелила.

– Тебе здесь нравится?

– Да, – сказала я. И на всякий случай вежливо добавила:
– Ваше величество.

Он сидел передо мной за письменным столом – такой, каким я встретила его на скамейке во дворе. Куртка (расстегнутая), из кармана торчит свернутый клетчатый шарф. Ни короны. Ни мантии. А вокруг, за окнами – скалы, лес, паруса...

– Так вот. Это не Королевство.

Вот тебе и на.

Мне показалось, что он говорит ерунду. Очень обидную, вредную ерунду. Будь он учителем – я бы огрызнулась...

А так мне только и оставалось, что жалобно спросить:

– А что?

Он мельком просмотрел какие-то бумаги. Захлопнул огромную книгу – пыль поднялась столбом, закружилась в солнечном свете. Вздохнул. Вышел из-за стола, уселся, как

и я, на песок.

– Королевство, Лена... Это я, да мой сын – принц, да шесть его невест. Комендант – ты с ним знакома, у него нос крючком. Канцлер. И еще примерно сотня людей – слуги, глашатаи, повара, конюхи, стража, придворные маги, егеря, музыканты. Вот это Королевство. Мы странствуем по свету, как цыганский табор или бродячий цирк. И однажды находим нетронутое место, где высокие горы с зубчатыми скалами, или дремучий лес, или и то и другое вместе. Где стоит на обрыве брошенный замок. Впрочем, замок мы можем построить и сами...

Он говорил и пересыпал песок из ладони в ладонь. Я тоже зачерпнула пригоршню – и чуть не вскрикнула от боли. Что-то кольнуло меня в мизинец. Я присмотрелась – из песка торчала пика. Маленькая. Пика солдатика; я откопала его. Он был тяжелый – наверное, оловянный.

– И вот мы поселяемся там, – продолжал Оберон, поглядывая на меня из-под опущенных век. – Мы основываем новое Королевство. В садах живут феи, в озере – русалки. В лесу – лешие или чего похуже. В скалах гнездятся драконы... Потому что мы изменяем тонкий мир. Сама земля вокруг нас становится Королевством. А это очень притягательно для людей... И понемногу они к нам сходятся ото всюду: крестьяне распахивают пашни, ремесленники ставят мастерские, купцы привозят товар, устраивают торги. Строятся дома, мосты, мельницы, кузницы, лесопильни. В горах

закладываются шахты и рудники. Изобретаются новые способы обработки металлов, окраски тканей и удобрения полей. Появляются и крепнут экономика, финансы, внешняя и внутренняя политика, судопроизводство. На Королевстве нарастает броня – броня толстого мира, весомого, настоящего, очень важного и нужного для людей... И когда броня становится слишком толстой – Королевство теряет подвижность, теряет власть над тонким миром, гибнет... Тебе интересно?

– Да! – Я подпрыгнула. К тому времени в песке отыскались пять оловянных солдатиков и развалины маленького каменного дома. В нем могли бы жить люди ростом с мой ноготь на большом пальце. А может, и жили когда-то?

Оберон помолчал. Под его взглядом я перестала копаться в песке – не ребенок.

– Да, Лена, – сказал Оберон, когда я чинно сложила руки на коленях. – Я, может, многого от тебя хочу... Но мне нужна не маленькая девочка, а солдат. Помощник, от которого в один прекрасный день будет зависеть судьба Королевства. Боевой маг, которому многое позволено, но с которого потом сурово спросится. Вот кем я тебя вижу... А ты?

– А я слушаю, – сказала я честно и захлопала глазами.

Оберон усмехнулся:

– Так вот... Когда груз толстого мира, выросший на Королевстве, становится неподъемным, мы все бросаем и снова пускаемся в странствия. Через хаос. Через неоткрытые зем-

ли, населенные чудовищами. Через моря, через снега, мимо вулканов, по воздуху, под землей. Мы должны найти новое место для Королевства. А его с каждым разом все труднее найти.

– Но почему? – Я покосилась за окно. Море волновалось, валы пены отсюда, сверху, казались совсем маленькими, но я видела, как болтаются на волнах корабли. – Если здесь так хорошо... А дорога такая опасная... Почему вы не можете остаться?

Оберон провел рукой по волосам. В комнате задрожал воздух...

Пропала куртка, пропали вытертые джинсы, пропал клетчатый шарф. Он сидел передо мной в мантии, в камзоле и коротких полосатых штанах, в ботфортах выше колен. А на голове его блестела корона.

Это было странное зрелище – король, который сидит на песке по-турецки. Будто почувствовав эту странность, Оберон поднялся – не касаясь пола руками. Будто взлетел.

Я тоже встала. Я просто не могла перед ним сидеть!

– Потому что мы Королевство, – сказал он совсем другим, низким и суровым, властным голосом. – И заботимся не о своих удобствах, а обо всем мире. Ты думаешь, в этих скалах остался хоть один дракон? Ты думаешь, хоть одна русалка выбирается на берег лунной ночью? Мир завоеван людьми, отдан людям, и это правильно. Но правильно и другое: завтра в полдень, ни минутой позже, Королевство уйдет отсюда на

поиски новой земли. Так решил король.

– А я ничего не говорю, – залепетала я, перепугавшись. – Только... А как же я? Я-то что должна делать?

Он снова уселся за стол. Улыбнулся. Сказал теперь уже обычным своим голосом:

– А ты ничего не должна, Лена. Дело обстоит вот каким образом: ты по натуре – маг. Ты можешь изменять то, что я называю тонким миром, а большинство людей даже не знает о его существовании... Сейчас у нас в Королевстве очень не хватает магов. В дороге они необходимы. Я один не смогу присматривать за всем караваном, вовремя замечать все опасности, помогать всем, кто нуждается в помощи... Есть еще Ланс, мой старший ученик, и Гарольд, мой младший ученик. Этого мало. Чем больше магов в караване – тем безопаснее путь, тем больше вероятность, что все доберутся до нового места живыми и невредимыми. Я предлагаю тебе по-

ступить в Королевство на должность младшего мага дороги. Ты либо соглашаешься – и тогда завтра идешь вместе с нами. Либо не соглашаешься – один шаг, и ты дома. Но в этом случае я никогда уже больше за тобой не приду... Ты сразу скажешь или дать тебе время на размышление?

– Но, Оберон, – у меня вдруг затряслись коленки, – я же ничего не умею. И с чего вы взяли... Это из-за того случая на остановке, да? Так я с тех пор пыталась это снова сделать, но у меня не выходило. Если я даже маг, я... у меня не получится. Мне же только тринадцать лет! Может, потом, когда я вырасту...

Я говорила и говорила, а уши у меня горели все ярче и ярче. И мне хотелось провалиться в этот песок под ногами. Пусть бы Оберон никогда меня не встречал, пусть не приводил бы в Королевство, и тогда не случился бы со мной такой позор. Вот этот самый миг я буду вспоминать, конечно, до старости – какая я была трусиха и дура...

Оберон вытащил что-то из ящика стола и подбросил на ладони. Я избегала смотреть ему в глаза, но на руки посмотрела – он держал здоровенный кинжал с тонким лезвием.

И в следующую секунду, почти не замахиываясь, метнул кинжал в меня!

Острие нацелилось мне в левый глаз.

Как только я умудрилась не запачкать штаны? Честно говоря, еще чуть-чуть – и стать бы моему позору неотвратимым...

А так – я просто заорала как бешеная и оттолкнула этот проклятый кинжал... я так и не поняла – чем. Клинок на мгновение завис прямо перед лицом, а потом аккуратненько раскололся вдоль, на две половинки: правую и левую. И обе половинки кинжала беззвучно упали в песок к моим ногам.

У меня мурашки пробежались от затылка до пяток и в голове что-то стиснулось. Может, мозги мои куриные решили сжаться в кулак?

– А ты говоришь, не получается, – очень серьезно сказал Оберон. – Врожденные данные у тебя хорошие. Но если не развивать – так и пропадут годам к восемнадцати.

Я подумала: может, возненавидеть его на всю жизнь?

Зареветь?

Пусть немедленно домой возвращает?

Реветь я не стала. Только спросила с упреком:

– Вы же меня могли убить?

– Ерунда. – Он даже улыбнулся. – Смотри...

Вытащил из ящичка еще один кинжал и, прежде чем я успела испугаться, метнул прямым в гадкую маску. Миг – и кинжал вернулся к нему в руку. Я не успела понять, как это произошло, но только маска висела невредимая, все такая же отвратительная, как прежде.

– Это такой кинжал?

– Нет, это я так бросаю... И ты так сможешь. Когда научишься.

– Правда? А что еще могут маги?

– Усмирять чужой гнев. Слышать и видеть тайное. Чувствовать опасность. Строить воздушные замки. Летать. Убивать взглядом. Зависит от степени мастерства.

Я задумалась. И мне страшно захотелось научиться... нет, не убивать взглядом. Хотя в случае с Зайцевой было бы очень кстати. Захотелось летать – так захотелось, что подушечки пальцев зачесались и я даже стала, кажется, немножко легче.

– Оберон...

– Да?

– Если я соглашусь идти с вами, то вы потом вернете меня домой?

– Как только обоснуемся на новом месте. Один шаг – и ты дома. Только и всего.

– А если, – я запнулась, – если я передумаю... по дороге? И захочу вернуться?

– Не выйдет. Мы можем ходить между мирами только тогда, когда они существуют и устоялись. А странствующее Королевство – нестабильная структура. Так что лучше и не пытаться.

– А, – во рту у меня пересохло, – странствия... это... сколько?

Он пожал плечами. Мол, как считать. Мол, не слишком ли долго приходится тебя уговаривать?

Я представила себе: один шаг – и я дома. Там зима, снег идет. Можно взять санки, покататься с горы... Вернуться

домой, получить по ушам за контрольную по алгебре... И за несделанные уроки... И за невытертую пыль... И вот так жить, жить и знать, что была в Королевстве и сама – сама! – от него отказалась.

А главное – знать, что Оберон меня презирает.

С другой стороны, я ведь потом вернусь в то же самое время. В ту же секунду. И успею покататься на санках, получить по ушам... И встретить Новый год...

– Оберон...

– Да?

– А вы умеете убивать взглядом?

– Да. А что?

– Ничего. – Я с трудом сглотнула. – А вы вообще суровый король?

– Ты хочешь знать, не казнят ли тебя на площади за какую-нибудь провинность? – Его глаза смеялись.

Я смутилась:

– Нет, я о таком не думала... Но в пути – там же опасности? Вы говорили – чудовища?!

– Да.

– Значит, там можно погибнуть?

Он опустил подбородок на сплетенные пальцы:

– Знаешь, Лена... Я не могу гарантировать полную сохранность твоей жизни. Как жизни любого из моих подданных. Но я могу обещать, что буду сражаться за тебя, как за себя самого. Как за любого из нас. Вот так. Теперь решай.

Глава 4

У зла нет власти

– На вот, выбери себе. – Гарольд бросил передо мной на стол ворох одежды, в основном кожаной. Чистоты она была средней, и запах от нее был так себе. Я двумя пальцами взяла большую черную куртку с железными заклепками:

– А может, оставить мое? Брюки...

Гарольд окинул меня взглядом:

– Там, куда мы идем, такое не носят.

Ему было лет семнадцать, и он здорово походил на тех десятиклассников, что дружили с Лозовой и Зайцевой. Нахальный тип. И мне очень не понравилось, когда Оберон вызвал его к себе в кабинет, поставил меня перед ним и сказал: «Гарольд, это наш новый маг дороги. Поступает к тебе в обучение».

Я-то думала, что учить меня будет Оберон!

– Ну, выбирай. Штаны там, рубаху, сапоги. Или тебе платье с кринолином? – Он теперь уже явно издевался.

Пришлось мне все-таки разбираться в этой груде. Почти вся одежда была пошита на взрослых, и, пока я отыскивала

небольшие штаны и сносную куртку, выбора у меня не осталось.

– Слушай, Гарольд... А куда мы идем?

– Отучаемся говорить «Слушай, Гарольд». Учимся говорить: «Скажите, мастер».

Я подумала, что раньше у него в подчинении никого не было. Мне предстояло быть первой подопытной свинкой.

– Э-э-э... мастер. А Оберон говорил...

Он насупился всерьез:

– Еще раз скажешь «Оберон», и я тебе нос расквашу. Говори «его величество».

Я покрепче сжала зубы. Ладно-ладно. Еще неизвестно, кто кому первый расквасит нос.

Переодеваться пришлось здесь же, на складе, за штабелем потертых седел (по-моему, седла были не для лошадей. Слишком большие). Поверх своих колготок и футболки я натянула штаны, рубаху и слишком длинную, не по росту, куртку. Сунула ноги в сапоги: наши модницы, наверное, подрались бы за такие ботфорты... если бы они были хоть чуть-чуть новее.

Гарольд осмотрел меня (чучело чучелом, если честно) и остался доволен.

– Урок первый. – Он заложил руки за спину и отставил ногу, чтобы казаться солиднее. – Маг дороги должен уметь защищать себя от зла. Иначе как он сможет защитить других?

Он круто развернулся, из его руки вылетела железная стрелка и воткнулась в глазную прорезь тяжелого шлема, ржавевшего на стойке вместе с доспехом. В пустой голове у «рыцаря» полыхнуло, изо всех щелей доспеха повалил дым.

Я разинула рот. Наблюдая за мной краем глаза, Гарольд слепил прямо из воздуха дрожащий струйчатый шарик, подбросил к потолку. Шарик взорвался, на нас посыпались искры, по потолочным балкам размазалась черная клякса копоты.

Веснушчатый нос моего учителя поднялся к этой кляксе, будто указка.

– Маг дороги ничего не боится. Скажи: «У зла нет власти!»

– У зла нет власти, – послушно повторила я.

– Уже хорошо. Сейчас мы с тобой пойдем в город... и там потренируемся. Только смотри, от меня ни на шаг!

* * *

Зря он это сказал: я и так боялась отойти от него хоть на полшага. Один раз даже ухватила его за рукав – правда, тут же опомнилась и убрала руку. Еще подумает, что я трусиха!

Прежде мне казалось, что в Королевстве очень мало людей. А их здесь было столько, что могли затоптать в два счета. Мужчины почти все бородатые, длинноволосые, похожие не то на разбойников, не то на рок-музыкантов. А женщины

разные – и высокие, и маленькие, побогаче одетые и победнее, то чистенькие и аккуратные, а то такие чучела в лохмотьях – с виду настоящие ведьмы. И все одновременно говорят: зовут кого-то, ссорятся, мирятся, зазывают в лавочки, смеются, поют...

А улицы? Разве это улицы? У нас в школе коридоры и то шире. А мостовая? Горбатая, щербатая, с выбоинами, деревянные башмаки по ней – цок-цок-цок! Кованые сапоги – бах-бах-бах! И тут же лошади... Я бы, например, запретила на лошадях ездить в таком тесном месте. Еще наступят кому-нибудь копытом на ногу.

А запахи!

То дымом потянет. То свежим хлебом. То вонищашибанет, хоть нос затыкай. Я попробовала дышать ртом, но тут же закашлялась: пыль оседала в глотке. И в этот самый момент вонищу сдуло ветром. Повеяло удивительным запахом с моря: он был такой... прекрасный и ужасный, как этот город.

Мне сделалось страшно и весело.

А толпа вокруг кружила. Я не успевала всего рассмотреть, потому что надо было следить за Гарольдом, чтобы не отстать. И потому перед глазами у меня замирали будто фотографии: деревянная лодочка в сточной канаве... Подкова на мостовой... Кузнец работает прямо на улице (а грохоту! Искры летят!), мальчишки играют под ногами толпы, и никто на них не наступает, вот что удивительно. Мы спускались ниже, ближе к морю, ближе к порту, и все свежее делался

ветер и гуща – толпа. А потом Гарольд взял меня за локоть и втянул в переулок – сквозь низкую арку в глинобитной стене.

Здесь почти никого не было. Толстая женщина выплеснула помой из тазика в канаву, равнодушно посмотрела на нас, ушла. Брели по улице двое мужчин, в обнимку, пошатываясь, пьяные, что ли? Завернули за угол, скрылись из глаз...

Все окна деревянных домов были закрыты ставнями. Три собаки лежали у низкого порожка – а над порожком была вывеска: «Трактир „Четыре собаки“».

– А где четвертая собака?

Гарольд нахмурился:

– Что?

– Здесь написано...

Он посмотрел на вывеску, на собак, понял и нахмурился еще сильнее:

– Не отвлекайся по пустякам. Значит, так. Сейчас мы зайдем в трактир. Там собираются всякие... ну, нехорошие люди. Но нам они сегодня не нужны.

– Лично мне они вообще не нужны...

– Не болтай! В дальнем углу на тряпочке сидит нищий. Ты к нему подходишь, останавливаешься прямо перед ним, делаешь глубокий вдох и кладешь монету в его шляпу. – Гарольд протянул мне тусклый кругляшок. – Он начинает на тебя орать. А ты говоришь: «У зла нет власти». И делаешь вот так, – он провел рукой перед моим лицом, – сметаешь поток зла со своей дороги. Потом поворачиваешься и выхо-

дишь. Мы идем в замок, и я говорю Оберону, какой ты талантливый ученик. Ну?

Я переступила с ноги на ногу. Оказывается, слишком большие сапоги уже натерли мне пятки.

– Э-э-э... Скажите, мастер. А почему он будет на меня орать, если я ему дам монету? Он же для этого там сидит, для денег, в смысле?

Гарольд засопел:

– Он злой потому что! Деньги ему не нужны, его там и так кормят. И вообще, не задавала бы ты лишних вопросов. Идем.

Я не двинулась с места.

– Скажите, мастер... А если у меня не получится?

Гарольд рассердился всерьез. У него даже щеки втянулись.

– «Если у меня не получится» – еще раз услышу, излуплю как козу! Никаких «если»! Должно получиться. Вперед!

И мы вошли в трактир «Четыре собаки».

Вы знаете, как выглядит гнусный притон? Вот и я до этого времени не знала.

Во-первых, там воняло стократ хуже, чем на улице. Во-вторых, едкий дым заставлял глаза слезиться и моргать. В-третьих, за грязными столами там сидели такие страшные рожи, что, будь я стражником Королевства, просто перехватала бы всех подряд и посадила в темницу на веки вечные.

Они сидели и пили что-то из грязных кружек. Когда мы

вошли, покосились на нас мутными своими глазами – будто решая, мы вкусные или нет и как нас лучше готовить. Я задрожала; а рожи тем временем зырк-зырк – и равнодушно так отвернулись. Как будто нарочно давая нам понять, что мы им неинтересны; я вспомнила волка из сказки: «Я передумал! Я не буду есть этих худосочных поросят!» И я поняла, что они только делают вид, что им на нас наплевать, а вот когда мы поверим, перестанем ждать нападения – тут они ка-ак...

– Добрый день, Гарольд, мой мальчик...

Я еле удержалась, чтобы не взвизгнуть на весь трактир. Из-за стойки вышел человек с повязкой на полголовы. Как будто у него болели одновременно зубы, ухо, шея, затылок и нос. Или будто он был мумией, только не до конца обработанной.

– А это кто у нас? Будем есть, пить, безобразничать?

– Это новый маг дороги, – мрачно сказал Гарольд.

Человек-мумия меня оглядел. Правый его глаз был ничего себе, нормальный, зато левый смотрел сквозь прорезь в бинтах. Меня мороз продрал по коже.

– Это? – спросил человек-мумия. С таким видом, будто ему подсунули таракана и говорят, что вот, мол, собака ротвейлер.

– Приказ короля.

– А-а-а, – сказал человек-мумия совсем другим голосом. – Его величеству – поклон и привет... Заходите.

Гарольд взял меня за руку и потащил через весь трактир, мимо столов и сидящих за столами разбойников, мимо печки, возле которой возилась та самая толстая женщина, что выливала помои. Поташил в самый дальний угол. И я увидела, что там на самом деле сидит нищий – лысый, как картошка, грязный и, кажется, немножко горбатый.

– Ну, – Гарольд наклонился к моему уху. – У зла. Нет. Власти. Запомнила?

– Ага, – ответила я трясущимся голосом.

– Иди!

И он подтолкнул меня в спину.

Нищий сидел, скрестив тонкие ноги. Между его коленями лежала на полу соломенная шляпа с широкими полями. Я подошла, зажав монетку в кулаке. Нищий на меня не смотрел – он, кажется, спал сидя.

Не доходя до нищего трех или четырех шагов, я прицелилась. Уж по физкультуре-то у меня всегда отличные оценки – я и бегаю быстро, и в баскетбольную корзину попадаю с середины поля. Меня бы в школьную команду взяли, если бы не рост...

И вот я прицелилась – и бросила монету в корзину... то есть в шляпу. Монета ударилась о соломенную стенку и скадилась на дно. Есть!

Не успела я обрадоваться, как нищий разлепил веки и посмотрел на меня. И ноги мои прилипли к грязному полу.

– Чтобы вы все сдохли, – сказал нищий. И в его проклятии была такая сила, что я вдруг поняла: оно сбудется. Оно погубит не только меня, но и весь этот город, Гарольда, Оберона... Потом оно просочится в наш мир и погубит маму, Петьку и Димку, даже отчима, даже завучиху и весь наш класс...

А нищий, видя мой страх, ухмыльнулся беззубым ртом и заорал во весь голос:

– Чтобы вы все сдохли! Чтобы! Вы! Все!

– У зла нет власти, – забормотала я сквозь подступающие

слезы. – У зла нет власти...

И провела рукой, как показывал Гарольд, но даже дым не разогнала.

Нищий выпрямился, горб его пропал, весь он стал выше и толще, рот разинулся черной дырой.

– Сдохли! Сдохли!

– У зла нет власти! – Я уже ревела. Потому что ясно же: «волшебные» слова – вранье, у зла есть власть, да еще какая!

– У зла нет власти, – сказал кто-то за моей спиной.

Нищий вдруг заткнулся на полуслове. Посмотрел поверх моей головы; потом съежился, как моченый помидор, который прокололи вилкой. И стало ясно: все, что он говорил, – всего лишь болтовня старого, злобного, выжившего из ума человека. У этого беззубого зла действительно нет власти ни над чем...

Нищий снова закрыл глаза и моментально заснул. Или притворился, что спит.

А у меня за спиной стоял Гарольд. Бледный-бледный. И губы у него тряслись.

И всю обратную дорогу, до самого замка, он не сказал мне ни слова.

* * *

– Ну скажи, что я сделала неправильно?

– Ты все сделала неправильно! Ты вообще ничего не сде-

лала! Вместо того чтобы остановить зло, ты стала подкармливать его своим страхом. Я тебя об этом просил?

В большой и очень уютной комнате горел камин, пахло свежим деревом, дымком и сеном. Вдоль стен тянулись лавки с тюфяками, ложись себе – и отдыхай, слушай тишину за распахнутыми окнами, мечтай о полетах...

Как бы не так.

Я, скрючившись, сидела на лавке, а Гарольд, черный как туча, расхаживал из угла в угол. И это у него получалось так свирепо, что любой тигр в клетке позавидовал бы.

Мой страх улегся. Осталась только обида.

– А о чем ты меня просил? Подойти и сказать слова! Я подошла? Сказала? А что вышло не так – так ты меня не научил, как надо!

Он бросил на меня такой взгляд, что я отодвинулась назад на своей лавке. Еще драться полезет, чего доброго. Ну, пусть попробует, я его до крови укушу.

– Знаешь, – сказал он в сердцах, – если бы его величество... сам не сказал, что у тебя есть талант, – я бы...

И он замолчал.

– Что? – спросила я ехидно. – Не поверил бы? Королю бы не поверил, да?

Гарольд ничего не ответил. Еще раз прошелся из угла в угол.

– А знаешь, – сказал вдруг спокойно. – Давай спать. Завтра рано в поход... Если ты не передумаешь, конечно. А то

ведь, пока не протрубит труба, можно попросить его величество вернуть тебя обратно... откуда взяли. Ты только скажи...

Он отошел в дальний угол и там улегся на соломенный тюфяк. Укрылся клетчатым шерстяным одеялом и вскоре засопел.

Глава 5

Когда протрубит труба

Разумеется, я не заснула.

Пусть тюфяк был чистый и в меру мягкий, пусть огонек в камине так уютно потрескивал, пусть снаружи за окном потихоньку пели ночные птицы и светили огромные, ненатуральные, сказочные звезды. Пусть все было хорошо – но мне-то было плохо.

Во-первых, стыдно и страшно было вспоминать мое первое «магическое» задание и как я его провалила. Это вам не контрольная. Если бы Гарольд не вступился – прямо и не знаю, что со мной стало бы.

Во-вторых... меня страшно обидели слова Гарольда. Он не верил, что я маг. Он хотел, чтобы я струсилась и сбежала в свой мир. Он прямо мечтал об этом. Тогда бы он сказал Оберону с притворной грустью: «К сожалению, ваше величество, она всего лишь девчонка, да еще и маленькая для своих лет. Я очень хотел научить ее магии. И я бы ее научил, конечно, если бы она не перепугалась...»

И когда я воображала Гарольда, который говорит все это

Оберону и сокрушенно качает головой, мне хотелось грызть одеяло.

С другой стороны, мне очень хотелось домой. Прямо-таки до слез. Отсюда, из Королевства, все домашние беды казались маленькими и ненастоящими.

Гарольд сопел во сне. Как-то очень громко, ненатурально сопел. Я вдруг подумала: а так ли просто ему заснуть? Ведь если я провалила первое задание – то и он провалился как учитель. А Оберон ведь ему доверяет...

Будто в ответ на мои мысли Гарольд засопел громче и перевернулся с боку на бок. И захрапел так, чтобы всем было ясно: спит человек.

Камин догорал. Скоро в комнате стало совсем темно.

* * *

Открываю глаза – а в окна бьет солнце. На полу соломинки блестят, как золотые. В дальнем углу комнаты сидит Гарольд и натягивает сапоги.

– Подъем. Иди умывайся.

– Доброе утро, – сказала я вежливо.

В коридоре был рукомойник, я еще вчера запомнила, где он стоит. И только я задумалась, как половчее себе на руки слить из ковша – как появилась женщина в переднике, кругленькая, веснушчатая, приветливая. Мне показалось, что я ее где-то раньше видела.

– С добрым утречком, новый маг дороги! Давайте-ка пособлю... Отхожее место, – она понизила голос, – нашли уже?

Отхожее место я нашла еще ночью. Просто горшок в за-коулке, и все.

– Умывайтесь, собирайтесь, скоро выступаем... – Она ли-ла мне воду в ладони, вода была холодная, тугая, с меня сра-зу же слетели остатки сна. – Нате вот, – протянула чистое полотенце. – Тут вам одежду прислали из мастерской – по особому заказу... Гарольд! – крикнула она в комнату. – Его величество велел поторопиться!

– Сейчас, – глухо отозвался мой учитель. Женщина бес-церемонно сунула нос за дверь:

– И чтобы ты мне старую куртку не бросал здесь, а с собой взял. Она теплее новой, а в горах будет мороз.

– Ну чего ты, ма, у меня и так сумка лопается...

– Ты слышал, что я сказала?

– Ну, слышал...

– Давай-давай, уже трубачи к воротам поехали. Через час выступаем.

И она убежала куда-то, на ходу одарив меня улыбкой. Я поняла, на кого она похожа: тот же веснушчатый нос, длин-ные бесцветные ресницы, каштановые волосы. Только Га-рольд был тощий и костлявый, а мать его – круглая, как мя-чик.

На лавке, где я спала, лежал объемистый мешочек. Одеж-да?

– Это кому? – Я была уверена, что вчерашние обноски так со мной и останутся на весь поход.

– Тебе, – ответил Гарольд, не глядя. – Мне, что ли?

Я протянула руку, осторожно раскрыла мешок...

Ух ты!

Полотняные рубашки, как раз моего размера, три штуки. Нитяные штаны – две штуки. Жилет с нашитыми на него стальными пластинками, но все равно не очень тяжелый. Кожаная куртка – скроенная точно по мерке, красивая и мягкая, на железных застёжках, с отворотами на рукавах. Штаны – тоже из кожи тончайшей выделки. Теплый плащ – кажется, шерстяной, темно-синий, с гербом. Пояса, платки, еще какие-то замечательные мелочи и – внимание! – сапоги. Если бы Зайцева увидела меня в этих сапогах, да в школе...

Она бы умерла от зависти. Упала бы на пол и умерла на месте. Вот какие это были сапоги.

– Это все мне? Это мне? Это все-все мне?!

Гарольд смотрел на меня удивленно и немножко презрительно. Под этим взглядом я, как могла, умерила радость: все-таки я маг дороги, а не девчонка в универмаге.

– И вот еще. – Он вытащил со дна мешка странную штуку, похожую на вышитую серебром косынку. – Повязываешь на голову, чтобы узел был как раз над правым ухом. Это знак мага дороги.

Я взяла «косынку» в руки...

И радость моя исчезла, как не бывало. Разве я настоящий

маг? Разве я имею на все это право – на такой плащ, куртку... на королевский герб с буквой О и драконом?

Гарольд заметил, что я скисла.

– Ну что? – спросил с фальшивым сочувствием. – Решила остаться с нами? Или сомневаешься?

Я подумала: могу же я надеть все это хоть раз? Хоть единственный разочек в жизни?

* * *

У ворот замка ко мне подвели коня. Батюшки-светы! Я ведь только мечтала научиться ездить верхом, а сама если и пробовала, то только на соседском сенбернаре!

Серый конь был такой высокий, что я могла только чуть пригнувшись, пройти у него под брюхом. И, конечно, нечего были и мечтать залезть на него без посторонней помощи. Я представила, как мне к седлу привязывают складную лестницу...

Если бы на мне была в это время моя обычная одежда или вчерашние обноски – я бы сделала вид, что оказалась тут случайно. Но к тому времени на мне был полный наряд королевского мага, сапоги до колен, плащ с гербом, на голове – черный с серебром платок. И потому я не стала дожидаться помощи, а влезла сначала на створку ворот (она была фигурная, решетчатая, со стальными ветками и листьями), а уже оттуда перебралась в седло.

Мне показалось, что я сижу на слоне и что земля внизу далеко-далеко. Конь переступил ногами – я вцепилась в лук седла. Конь медленно двинулся вперед; я ничего не видела и не слышала, у меня была одна цель: не свалиться.

– Ноги засунь в стремяна...

Гарольд, оказывается, ехал рядом. Сидел в седле прямоенько и расслабленно, как принц.

– Ноги в стремяна, говорю. Пятку вниз. Носок вверх и в сторону. Иначе ступни провалятся внутрь, лошадь испугается и понесет, а ты будешь волочиться сзади...

Я поняла, что все, хватит, время отсюда сматывать. Походили в красивой одежде, похвалились гербом, покатались верхом, возомнили себя королевским магом – пора и честь знать. Пока меня здесь не прикончили – домой!

Стремяна оказались подогнанными под мой рост. Я кое-как последовала совету учителя – растопырила носки, опустила пятки. Мой конь медленно и плавно шел за лошастью Гарольда, и я смогла наконец-то оторвать глаза от земли и посмотреть вокруг.

А вокруг народу! Народу!

Стражники стояли цепью. Серьезные, усатые, с пиками наперевес. За этими пиками толпились горожане – бывшие обитатели Королевства, которые теперь оставались сами по себе.

– Ура! Ура! Слава!

Что-то пролетело по воздуху. Шлеп лошадь по шее! Цветы. Букетик фиалок. Он упал в пыль, и вслед за ним полетели розы, гвоздики, еще какие-то огромные и непонятные цветы, они пролетали у меня над головой, над головой Гарольда, падали под ноги лошадям...

А лошади и ухом не вели. Шли себе и шли. Торжественно выступали.

Откуда-то играла музыка, и она становилась все громче.

– Слава королю!

– Прощай, Королевство!

– Слава Оберону!

– Слава магам дороги!

Мои щеки становились все горячее и горячее. Я выпрямилась в седле, подражая Гарольду. Навернулись слезы – то ли от ветра, то ли оттого, что я понимала: это последние минуты моего триумфа. Больше никто никогда не назовет меня магом дороги и не бросит букет под копыта моей лошади...

Вслед за Гарольдом я выехала на площадь. Здесь уже выстроились караваном лошади и повозки, кареты и всадники: это и было странствующее Королевство, и оно показалось

мне неожиданно маленьким.

Серый конь – вот умница! – безо всякого моего участия встал на положенное место, рядом с лошадью Гарольда. За нашими спинами стражники покрикивали на толпу, которая хотела все видеть и потому напирала и напирала.

– Гарольд... Гарольд...

Молчание.

– Скажите, мастер...

– Чего тебе?

– Что сейчас будет?

– Выйдет мэр. Скажет пару слов. Потом Оберон... его величество отдаст ему символические ключи от города. Протрубит труба... Кстати, ты не передумала?

Я промолчала.

Толпа заволновалась сильнее.

– Мэр!

– Где?

– Там! Смотрите!

– Слава господину мэру! Слава Королевству!

Из седла мне было все отлично видно: на укрытое ковром возвышение поднялся толстенький человек, эдакая бочка на ножках. Он был разодет в парчу и бархат, но шляпу держал в руках. Ветер тормозил редкие вьющиеся волосы вокруг розовой от волнения лысины.

И почти сразу толпа отпрянула от кордона сомкнутых копий. Я сама подскочила в седле.

Оберон взялся будто бы ниоткуда. Он возвышался надо всеми – над пешими, и над всадниками, и над мэром, взобравшимся на помост. Под королем был белый конь с очень длинной и гибкой шеей. Я присмотрелась и обмерла: морда королевского коня была похожа скорее на морду крокодила, зубы торчали вверх и вниз. Шелковая белая грива то открывала, то снова закрывала от меня это зубастое рыло...

И все равно этот крокодилонь был красивый в каждом своем движении. Казалось, он парит над землей. А может, так оно и было?

Король сидел в седле, чуть отведя руку с большой белой палкой, на конце которой мерцал красно-зеленый шар. Наверное, это был волшебный посох. Я хотела спросить Гарольда, но тут горожане опомнились и завопили так, что даже коняга подо мной, уж на что спокойный, вздрогнул.

– Обер-рон!

– Слава королю!

– Слава!

В этом реве и гвалте потонули слова мэра – тот обращался к Оберону и кланялся, приложив руку к сердцу. А король сидел в седле и смотрел на него так же спокойно и внимательно, как смотрел еще недавно на меня...

Я покосилась на Гарольда. Он не сводил с Оберона глаз и был непривычно бледный, даже веснушки пропали. Я подумала: а ведь для Гарольда все это, как и для меня, в первый раз. В первый раз на его памяти Королевство бросает

насиженное место и уходит в никуда, и неизвестно, что там, впереди, ждет.

Интересно, он взял с собой старую куртку, как велела ему мать?

Пока я об этом раздумывала, мэр закончил свою речь. Оберон коротко кивнул ему и обвел площадь глазами. И сказал одно слово – будто бы негромко, но голос его перекрыл гул толпы:

– Прощайте.

И протянул мэру большой ключ, вроде как из спектакля про Буратино. Люди вокруг заревели, завопили, в воздух полетели шапки, шляпы, свернутые платки...

А меня будто булавкой кольнули: значит, сейчас уже протрубит труба? И у меня не будет пути к отступлению?!

Я повернула голову. Гарольд смотрел прямо на меня:

– Ну что? Твой последний шанс вернуться. Давай.

Он изо всех сил старался говорить равнодушно, но на последнем слове голос его выдал. Мой учитель очень хотел, чтобы я ушла восвояси и унесла с собой его хлопоты.

Оберон на своем крокодилоконе медленно ехал вдоль каравана – от хвоста, где стояли хозяйственные повозки, к голове, где было его место. Иногда останавливался и перекидывался с кем-то парой слов.

Вот он все ближе к нам... все ближе... И времени на решение у меня все меньше... меньше...

Его конь был совсем близко, когда я увидела, что к бо-

кам чудовища (и к коленям Оберона) прижаты перепончатые крылья, а из ноздрей немножко вылетает дым.

– Привет, Лена.

Я выпрямила спину, как могла.

– Добрый день, ваше величество, – и попыталась улыбнуться.

Оберон был серьезен:

– Ну что же, решай. Ты идешь с нами – или возвращаешься к себе?

– А вы знаете, у меня ничего же не получается...

(Что я делаю? Вся площадь на нас смотрит, каждая секунда на счету, сейчас протрубит труба...)

– Разве я нужна вам, ваше величество? Я маленькая...

Гарольд засопел, еле слышно постанывая.

– Конечно, ты нужна нам. – Оберон и бровью не повел. – И так?

* * *

К полудню мы въехали в другой город, поменьше. Здесь тоже набежала толпа, и тоже стражники с копьями стояли вдоль дороги, и тоже кричали «Слава» и «Прощайте». Я к тому времени так устала, что готова была вывалиться из седла. Гарольд молчал всю дорогу. Он был невероятно разочарован, прямо-таки убит.

Я уже ничего вокруг не замечала и смотрела вниз, на свои

руки с уздечкой. Мой конь не нуждался в командах – он был значительно умнее меня и сам шел в строю, то ускоряя, то замедляя шаг. Я краем уха слушала приветственные крики, а сама думала: долго еще? Когда же привал? Когда это кончится?

Даже когда радостные вопли вокруг стали совсем уж оглушительными, я не сразу поняла, в чем дело. А потом вдруг оглянулась – рядом с моим конем, шаг в шаг, плыл белый крокодилоконь Оберона.

– Устала?

– Нет, – сказала я, пытаюсь выпрямиться в седле. Спину ломило – сил нет.

– Хочешь, что-то покажу?

– Хочу, конечно...

– Перебирайся. – Он протянул руку.

Я не поняла даже, что он задумал, все получилось само собой. Только что сидела на своем послушном коньке – и вот уже в седле Оберона, на спине «белого крокодила». Прямо передо мной – длинющая шея, развивается на ветру молочная грива, косит через плечо глаз – карий, умный, почти человеческий.

– Смотри. – Оберон сидел за моей спиной, я видела только его руки. – Видишь всех этих людей?

– Вижу...

– А теперь погляди сюда...

Он поднес к моему лицу ладонь. Я посмотрела в щелочку

между его пальцами...

Никого не было! Пустая дорога, вдоль дороги – дома, ползет караван. Гарольда вижу, он смотрит в сторону... Всадника перед Гарольдом вижу... А там, смотрите-ка, мой знакомец, крючконосый комендант замка, «его милость». А где же люди вдоль обочин?

Оберон убрал руку, и я снова всех их увидела. Мальчишки на крышах и на деревьях. Малыши на плечах отцов. Женщины размахивают платками, шляпами, цветами...

Посмотрела еще раз сквозь пальцы Оберона – пусто. Караван идет по пустой дороге.

– Почему это так?

– Обычным взглядом ты видишь два мира сразу. Сочетание двух миров. А я тебе показываю только то, что видно «тонким взглядом». Это Королевство. И ты ему принадлежишь.

– А... можно еще раз?

Его рука была белой и теплой. На этот раз я увидела, что на дороге, кроме растянувшегося каравана, есть еще одна женщина – высокая, прямая, в длинном плаще. Стоит в отдалении. Не кричит, не машет руками. Просто смотрит.

– А это кто?

– Где?

Он быстро глянул в сторону женщины («обычным взглядом» я ее не видела, она пряталась за спинами толпы).

– А-а-а... это... она решила остаться.

– Разве так можно?

– У нее серьезная причина.

– Какая?

– Ну, Лена, это как-нибудь потом.

Секунда – и меня пересадили обратно на спину моего коняги. Крокодилоконь Оберона выгнул шею – и вот он уже далеко впереди, во главе каравана.

– Когда говоришь с королем, – Гарольд по-прежнему не глядел на меня, – не забывай, пожалуйста, добавлять «ваше величество». Если Обе... если его величество не делает тебе замечания, это не значит, что он твоей наглости не видит, поняла?

Так я стала частицей Королевства.

Это здорово.

Но, наверное, мне не раз еще придется об этом пожалеть.

Глава 6

Цветы и змеи

Едва только закончились поля, едва только по обе стороны дороги потянулись луга и рощи, как в голове колонны сыграли «привал». Раньше я никогда не слышала такого сигнала (два трубных звука один за другим, высокий и низкий), но подозревала, что теперь он станет моим любимым.

Я сумела без посторонней помощи сползти с седла. Конек стоял смирно, глядел сочувственно – он мне все больше и больше нравился, мой sereneкий. Хорошо все-таки иметь в Королевстве еще какого-нибудь друга, кроме Оберона.

Засуетились люди, забегали, запыхали костры, запахло вкусеньким. Оказалось, мне не надо ни хворост собирать, ни бутерброды нарезать, как на школьных пикниках. Мне одной из первых поднесли миску каши с мясом, да кружку бульона, да еще кружку не то морса, не то компота, ягодного и очень сладкого (я с него, собственно, обед и начала). Да, еще ломоть хлеба – ржаного, вкуснющего, с дымком. И когда я это все с удовольствием сжевала и выпила, ощущение непоправимой ошибки, которую я совершила, выбрав Коро-

левство и не вернувшись домой, стало таять, таять, пока не растаяло совсем.

А когда потом обнаружилось, что мне не надо даже мыть посуду... Что в обозе едут слуги, которые для того и поставлены, чтобы нас, магов дороги, кормить, поить и обихаживать...

Вот здорово!

Я отошла в сторону, улеглась на травке и стала смотреть в небо. А небо было такое синее, как в нашем мире не бывает, и облака белые-белые, и ласточки.

Я подумала: вот я и в Королевстве. Король – мой друг и в обиду не даст. Разве что надо, в самом деле, приучиться звать его «ваше величество». А то дружба дружбой, а вежливость вежливостью.

А где, интересно, принц? Он ведь тоже где-то здесь, а я его еще ни разу не видела. А невесты принца? Оберон говорил, их несколько, шесть, что ли? Зачем так много? Надо будет спросить...

И я, наверное, ненадолго заснула. Потому что ночью очень мало спала – урывками. И вот я задремала, и снится мне, как я лечу без крыльев – все выше и выше, в этом синем небе, и ласточки вокруг водят хороводы...

– Ну, разлеглась! Учиться кто будет?

Я с перепугу так и села. Гарольд стоял рядом, решительный и мрачный.

– А ты меня будешь учить?

– Нет, смотреть я на тебя буду! Быстро вставай. У нас полчаса всего.

Нечего делать – пришлось мне подниматься с теплой травки и идти за учителем. Он привел меня на опушку рощицы, поставил среди поросших травой кочек и дал в руки палку с утолщением на конце.

– Это посох. Урок первый: маг дороги должен чувствовать опасность.

– Ты же в прошлый раз говорил, что урок первый...

– В прошлый раз не считается! И не перебивай. Итак: маг дороги должен чувствовать опасность. Под одной из этих кочек в норе – ядовитая змея. Определи, под какой.

– Змея?

– Да! И хватит переспрашивать!

– А как определить? Потыкать палкой?

Гарольд закатил глаза к небу, как покойник. Мне даже страшно стало.

– Ну что ты злишься? Ты же не объясняешь – как!

– Вот так! – Он изо всех сил сдерживал себя. – Берешь посох правой рукой. Пеленгуешь, то есть водишь туда-сюда, пока не чувствуешь... такое особое ощущение в ладони. Ну, будто ты посохом чувствуешь опасность.

– А как я могу посохом чувствовать...

– Можешь, если ты в самом деле маг! Действуй!

Я послушно взяла палку у него из рук. Поводила туда-сюда... Ничего не случилось. Гарольд стоял над душой, поедал

меня глазами, и весь его вид говорил: чтобы тебя змея живьем проглотила. Бестолочь.

– Я что-то делаю неправильно?

– Ты все делаешь неправильно. Ты должна ловить посохом тонкие сигналы, понимаешь?

– Как антенной?

– Как посохом! Давай еще раз.

Я снова поводила палкой. Присмотрелась к кочкам: в двух из них темнели круглые дырки. Норы? А в третьей вроде бы ничего не было.

– Вот здесь змея. – Я наугад ткнула пальцем по направлению одной из дыр.

– Нет. Змея не там. И ты ничего не почувствовала. Ты даже не стараешься.

– Я стараюсь.

– Тогда ищи змею!

Моя палка ходила туда-сюда, как «дворник» на стекле машины.

– Змея там. – Я показала на другую кочку.

– Нет!

– Может быть, здесь вообще нет никаких змей?

– Есть! Здесь совсем рядом сидит очень ядовитая и страшная змея. Ее укус убивает в несколько минут... в страшных муках. Она прокусывает насквозь сапоги. И даже доспехи. Это жутко и опасно, понимаешь? Думай об опасности. О том, что может с тобой случиться через несколько секунд!

Он переборщил.

Он хотел, чтобы я посохом нашла «тонкий» сигнал об опасности, вместо этого я перепугалась так, что чуть не намочила новые штаны. Я отпрыгнула, хлестнула палкой по высокой траве...

Это в самом деле была очень страшная змея. Гораздо крупнее гадюки, черная с зелеными разводами. Удивительно, как подробно я успела ее разглядеть. Змея, разозленная моим ударом, прыгнула (да-да, клянусь! Прыгнула!) по посоху вверх и сжала челюсти на моем запястье.

Больно не было. Я тряхнула рукой – змея свалилась и уползла в траву. Моментально.

На руке остались две красные точки. И они очень быстро превратились в две синие точки.

– Ой, – сказала я.

Тут меня схватили за шиворот и поволокли. Я, конечно, споткнулась и упала; тогда меня подхватили на руки, бросили через плечо (это очень неудобно, висеть вниз головой) и потащили куда-то со страшной скоростью, только трава запрыгала. Свалился с головы черный с серебром платок. Замелькали сапоги Гарольда – раз-два-три...

Потом у меня ненадолго потемнело в глазах, а когда темнота разошлась, я увидела прямо перед собой огромный шелковый шатер, белый и с зелеными узорами. У входа в шатер стоял стражник.

– Пропусти! – сдавленно пискнул Гарольд.

Стражник отодвинулся, и Гарольд втащил меня в шатер на руках.

– ...переход границы. Если бы это было зимой – я первый сказал бы, что не стоит и пытаться. Но сейчас весна, и довольно сухая...

Люди сидели на складных стульях, изучали карту, расстеленную на полу, и говорили, судя по их лицам, о чем-то серьезном. Гарольд, ни слова не говоря, сгрузил меня прямо на карту перед Обероном, который восседал здесь же и внимательно слушал собеседников.

– Это в долинах весна сухая, – сказал король, ни на секунду не прерывая разговора. – А за горами, между прочим, вполне себе льет, и я не уверен, что ледяной фонтан в этих условиях – лучшее место для перехода...

Он взял мою руку в свою, подпернул рукав (я увидела, на что стала похожа моя кисть, и тут только испугалась). Потянулся за посохом, приложил к следу укуса изумрудно-рубиновое навершие.

– ...Давайте не принимать скороспелых решений. У нас еще неделя спокойного пути как минимум, а вас, канцлер, я попрошу очень подробно расписать все достоинства вашего предложения... и недостатки, разумеется, какими вы их видите.

Моя ладонь из синей и толстой на глазах становилась белой и щуплой, как раньше. Боли я по-прежнему не чувствовала.

– Вас, господа советники, я попрошу заняться разведчиками, меня смущает недостоверность новых сведений...

Он выпустил мою руку:

– Гарольд, я тобой недоволен.

* * *

Бедный Гарольд! Мне даже стало его жалко. Он выбрел из

шатра, еле волоча ноги. Чтобы ободрить учителя, я догнала его и сказала как могла весело:

– А я не испугалась.

Он посмотрел на меня, и я отстала. Не нужно ему было мое ободрение. Ему нужно было, чтобы я провалилась сквозь землю, и чем скорее, тем лучше.

– Гарольд! – от одной из хозяйственных повозок его окликнула мать. – Что случилось?

– Ничего, ма. Все прекрасно.

В голосе его был такой траур, что мать забеспокоилась всерьез:

– Ты был у короля?

– Я занят, ма!

И, чтобы показать матери, что действительно не находит ни минутки свободной, Гарольд взял меня за шиворот и потащил туда, где бродили, пощипывая травку, наши кони.

Я молчала и не сопротивлялась. Видно же, что человек не в себе.

Он выпустил мой воротник. Я чуть не упала.

Он отошел в сторонку и сел на поваленный ствол ко мне спиной.

– Зачем ты била по траве посохом? – спросил бесцветным голосом.

– Потому что испугалась. Ты меня испугал.

– Я испугал, – повторил он с горькой иронией.

– Послушай, Гарольд... То есть, скажите, мастер... А Обе-

рон... то есть его величество, он может любые раны вот так, не глядя, исцелять?

Он так долго молчал, что я уже думала – не ответит.

– Нет. Только те раны, что нанесены обыкновенными, немагическими... животными. Ну и людьми из «толстого» мира. А когда мы перейдем границу... Слушай, ты в самом деле такая тупая?

– От идиота слышу, – сказала я холодно.

И мы поругались навеки.

* * *

Заночевали на берегу реки, на холме, где поддувал ветерок и комары почти не кусались. Лошади паслись в темноте, тихонько пофыркивали. По всему лагерю горели костры. Люди бродили от огня к огню – бывало, что стражник подсаживался к поварам, а егерь – к музыкантам. Кто-то пел, и очень здорово пел, прямо за душу брало. Почти везде смеялись – путешественники еще не устали, у них было легко на сердце, они без сожаления бросили все, что было в прошлом, и с надеждой шли теперь в будущее...

Мне неохота было сидеть у костра рядом с насупленным Гарольдом, и я пошла прогуляться. Спустилась к реке; здесь было очень шумно от лягушачьего кваканья. Потрогала рую воду – нет, купаться рано, еще холодная.

Хотя кто-то купался.

Плескался, нырял на самой середине реки. Покрякивал от удовольствия. Мужчина. Мне стало неудобно: ясно же, что он голый, а я будто бы подглядываю. И, чтобы не оказаться в неловком положении, я быстро пошла наверх, к лагерю.

Дорожка потерялась в темноте. Хорошо, что на мне были высокие сапоги: ни роса не страшна, ни крапива. Я спотыкалась о кочки, ругалась про себя и думала, что настоящий волшебник сейчас взлетел бы. Поднялся к луне, повисел над водой, раскинув руки... Нет, неужели я никогда не научусь летать?!

Я забралась в колючие кусты и долго искала способ из них выбраться. А когда нашла наконец дорожку, то...

– Ой!

– Извините.

Я на него почти налетела. Он был одет в темное, а я зазевалась.

– Это вы извините, – сказала я, вспомнив, что надо быть вежливой. – Просто я не вижу в темноте.

– Правда? А я думал, что вы маг дороги...

Ну вот. Хотел бы он нарочно мне досадить – горшего издеательства придумать трудно.

– Ну конечно, я маг дороги. Только не вижу в темноте. Чего тут странного?

– Ничего. – Он удивился. – Ну... вы идете наверх? Может, вас проводить?

– Не надо, – сказала я довольно грубо. – Просто идите, а

я за вами.

Он шел быстро – ноги длинные. Я запыхалась. Когда мы поднялись на холм, стало светлее от разожженных повсюду костров. Я заметила, что волосы у моего случайного спутника мокрые.

– Это вы купались?

– Я.

– А разве не холодно?

– Холодно.

Я разглядела его лицо. Молодое. Довольно-таки симпатичное. У нас был такой учитель географии – он, правда, месяц всего проработал. Получше должность нашел. А жаль: мы его любили...

– А вы пойдите к костру и погрейтесь, – сказала я.

– А вы составите мне компанию?

Я растерялась:

– Зачем?

– Например, затем, что мне хочется послушать про мир, откуда вы родом. – Он улыбнулся.

– А вы знаете, что я из другого мира?

– Конечно.

* * *

Я не сразу сообразила, куда он меня ведет. А когда сообразила – было поздно.

Шесть девиц! Шесть разодетых в длинные платья, с накидками и шальями на плечах, завитые (в походных условиях!), с подкрашенными глазами. Одна похожа на Мальвину, только волосы не голубые, а золотистые. Еще одна рыжая, в веснушках. Одна немного напоминает Зайцеву, если ее облагородить. Еще трех я не рассмотрела, только заметила, что они красивые, гораздо красивее меня. И все сидят на складных стульчиках вокруг костра, разговаривают и хихикают.

– Ваши высочества, позвольте представить вам Лену, нашего нового мага дороги.

– Здравστε, – пробормотала я себе под нос. Эти девицы еще и высочества, оказывается.

Невесты принца!

Оглянулась я на своего провожатого...

* * *

– Ну и где тебя носило? – спросил Гарольд. Маленький костерок, возле которого он коротал вечер, давно прогорел.

– Да так. Беседовала с принцем, – сказала я небрежно. – Рассказывала ему о нашем мире... Тебя же это не интересует?

Он не ответил. А я вытянулась на тюфячке, который специально для меня расстелили, посмотрела в звездное небо и размечталась.

...А принц симпатичный. И купается в холодной воде.

Конечно, эти его невесты... никто мне так и не объяснил, зачем их шесть штук. Они, конечно, принцессы и так далее. Но с другой стороны – я же маг дороги!

Ладно, пусть будущий маг.

Конечно, им всем лет по восемнадцать, а мне только тринадцать. Но зато когда они растолстеют и им стукнет двадцать пять, я как раз подрасту!

И я заснула под звездами. Снился мне бал в королевском дворце, принц и я сама – только не в кожаных штанах, а в длинном платье. И прямо во время нашего танца я начала взлетать, взлетать к потолку, тянуть его за собой...

– Вставай. Нечего разлеживаться. Да просыпайся же ты!

Только что рассвело. Мой тюфяк, и одеяло, и вообще все было мокрым от росы.

– Гарольд... Который час?

– Вставай, пожалуйста, Лена.

От такого обращения сон с меня слетел, как по команде.

Гарольд сидел надо мной и улыбался. Очень старательно и немножко неестественно. Улыбался, кивал, всем своим видом показывал, как рад меня видеть.

– Вставай, пожалуйста. У нас мало времени. Нам надо тебя выучить хоть чему-то прежде, чем мы перейдем границу.

– Ты уверен?

Мне стало не по себе. Болели руки и ноги, от сырости колотил озноб, а кроме того, этот новый вежливый Гарольд собирался меня учить. А я уже знала по собственному опыту,

что ничем хорошим это кончиться не может.

– А что мы будем... э-э-э... делать?

– Я тебе все объясню. Пойдем.

Лагерь спал, только костры кашеваров уже горели вовсю. Гарольд отвел меня к обрыву. При свете нового дня я увидела место, где вчера встретила с принцем: колючие кусты, в которых заблудилась, дорожку...

Над водой стелился туман.

– Я все понял, – бормотал Гарольд. – Я понял свои ошибки. Я учил тебя, как мальчишку, и не учел, что у девочек другие, эти... особенности. Теперь все получится... Смотри сюда.

Гарольд указал вниз. Я присела на корточки. Среди травы рос одинокий цветок, похожий на тюльпан, но только очень большой и фиолетовый. У цветка явно были неприятности: он склонился головкой к земле. Не исключено, что вчера на него наступили.

– Урок первый, – волнуясь, начал Гарольд, и я не посмела перечить. – Маг дороги должен быть готов отдать часть своих сил тому, кто в этом нуждается. Кто ослабел и... это... деморализован. Что значит – пал духом. Вот вы, девочки, любите цветы... зверушек... Ты бы не могла помочь этому цветочку?

– А как? – спросила я еле слышно.

Гарольд улыбнулся шире:

– Очень просто. Протяни над ним ладонь, правую. И ска-

жи: «Оживи». Если ты в самом деле захочешь, чтобы он снова раскрыл свои лепестки навстречу новому дню, чтобы пчелка прилетела... э-э-э... и все такое. Ты скажи вот так ласково: «Оживи», и он оживет.

Я протянула над цветком выпачканную землей ладонь:

– Оживи.

Как и следовало ожидать, цветок не шевельнулся.

– Оживи! – сказала я громче. – Оживи!

– Ничего, – сказал Гарольд, улыбаясь из последних сил. –

Я же тебя не тороплю. У всех не выходит сразу. Нужно еще пробовать. Передай ему свои силы. Вот ты свежая, выпалась... А цветочек сдох совсем... Жалко цветочек... Давай.

– Оживи! – заорала я во всю глотку. – Оживи! Оживи!

Сидя на корточках, я так низко склонилась над цветком, что потеряла равновесие и упала вперед.

Хрясь!

Никогда уже пчелки не прилетят на этот цветочек. В поисках опоры я пополам переломила и без того вялый стебель.

– Гарольд, я...

Он уже уходил, не оглядываясь.

Глава 7

Буря

В седло я взбиралась минут тридцать. Уехал Оберон, уехали стражники и принц с невестами, укатилась карета, вереницей потянулись всадники. Уже и обозные телеги тронулись в путь, проехали мимо нас и пристроились в хвост уходящему каравану. Луг, покрытый черными пятнами прогоревших костров, совсем опустел – а я все пыталась вскарабкаться на спину бедному животному, приспособливая для этого камни, кусты и кочки, прыгая с разбега и на месте, цепляясь за седло и гриву.

Гордость не позволяла мне позвать на помощь Гарольда. А бросить меня ему не позволял долг. Потому он следил за моими попытками, жуя травинку и время от времени похлопывая по шее свою нервную рыжую кобылу.

Я выбилась из сил и замучила животное. Гарольд ждал. Время шло; неизвестно, что было бы дальше (или нет, известно: я бы скорее сдохла на месте, чем попросила учителя посадить меня). Но тут в траве нашелся березовый чурбачок – наверное, на нем сидели у костра, а потом забыли или

бросили. Подставив чурбачок под ногу, мне удалось сначала лечь на седло животом, потом усесться лицом к хвосту и только потом – наконец! – занять подходящее всаднику положение.

Гарольд, увидев меня в седле, ничего не сказал – только вспорхнул на спину своей Рыжей, будто птичка на веточку. И, не оглядываясь, тронул кобылу с места.

Мой конек без напоминания пристроился Рыжей в хвост. Гарольд поторопил кобылу пятками – он, конечно, хотел догнать караван. И мой конь перешел на рысь.

Я изо всех сил вцепилась в него руками и ногами. Лошадиная спина прыгала – это было страшно...

Но это было и весело.

Мышцы болели уже не так сильно. Даже то место, на котором сидят, скоро притерпелось к жестким хлопкам седла. Или я научилась наконец-то пружинить ногами?

Мой серенький бежал весело – ему было легко. Сколько там во мне килограммов? Неслась назад трава, летели кусты, вставало солнце – все выше, выше... И все светлее и светлее, все ярче и ярче становилось вокруг.

Мой серенький обогнал кобылу Гарольда. Я бы с удовольствием обернулась и показала учителю язык, но побоялась, что не удержусь. Ветер бил в лицо. Мне захотелось петь, и я запела ту песню, которой когда-то учил меня дед:

Наверх вы, товарищи, все по местам,

Последний парад наступа-ает!
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не жела...

Серый перешел в галоп. Я быстренько сжала зубы, чтобы не откусить язык. Меня подбрасывало и шмякало о седло, снова подбрасывало и шмякало, а я вцепилась в переднюю луку, растопырила ступни пятками вниз, носками наружу и от ужаса закрыла глаза.

Серому, видно, понравилось, как я пою. Потому что когда песня оборвалась – он почти сразу сбавил скорость, перешел опять на рысь и потом на шаг. И вовремя: я готова была свалиться, как груша.

Подскакал Гарольд, злой, как оса:

– Сдурела?

– А что, нельзя?

Он пробормотал что-то под нос и поехал вперед.

* * *

– Скажите, мастер, а у нас сегодня будет первый урок?

Дело было во время дневного привала, я уже высмотрела себе очень удобный камень для взбирания на лошадь и потому чувствовала себя уверенно. А Гарольд, услышав мой вопрос, покраснел как свекла и уткнулся в свою миску, делая вид, что оглох.

Я давно заметила: в школе дразнят обычно тех, кто очень обижается на дразнилки. Когда Зайцева доводит меня – я на стенку лезу от обиды. И тут же, на следующей перемене, могу сама мучить Батона. Он противный, честно говоря, он давит жуков просто для удовольствия, бьет собак ногами, и еще он ябеда. Его полезно дразнить: он, может быть, перевоспитается. И приятно, когда он ревет от обиды, – такой ведь гад.

При мысли о Батоне что-то в моей душе царапнулось. Как-то расхотелось дальше об этом думать. Ну, задразнили ябеду до слез – и задразнили...

Я обхватила руками колени. Гарольд давно доел свою кашу, его миска была пуста, но он зачем-то водил по дну лож-

кой – как будто ему нравился противный звук, который при этом получался.

А может, во мне и нет никаких магических способностей?

Я расколола летящий нож Оберона на две части – взглядом. Вернее, это он мне так объяснил. А может, сам Оберон его и располовинил? Чтобы я поверила в себя?

Как-то странно – разве может король врать? Возмутительно даже так думать. И потом, зачем ему это?

Гарольд отставил миску в сторону. Он был жалкий, красный, растрепанный, он казался младше своих лет. Это от обиды: на обиженных, говорят, воду возят.

А если во мне нет магических способностей, что будет? На площади голову не отрубят – Оберон обещал. А вот отправить в обоз к поварам, чистить картошку, мыть посуду – это запросто.

И это не так уж плохо, кстати. Дома я только и делаю, что чищу картошку и мою посуду. Все наши разговоры с мамой с этого начинаются: Лена, ты почистила? Убрала?

Но все-таки обидно. Неудобно перед принцем. Одно дело – маг дороги, другое дело – какая-то девчонка на побегушках.

– Скажите, мастер, – начала я очень вежливо и даже льстиво.

– Да?

Я продолжала, преданно глядя ему в глаза:

– А если в день проводить по три первых урока, в неде-

лю это сколько будет? Трижды семь – двадцать один первый урок. А в месяц?

Он покраснел еще больше:

– Заткнись.

– Можно подумать, мастер, вы не умеете считать. А я же знаю, что умеете. Это скромность в вас говорит. А если постараться, то запросто можете двадцать один умножить на четыре...

Он завелся. Лицо пошло пятнами. Кулаки стиснулись – и бессильно разжались снова. Как говорила наша завучиха, «если тебя обидели словесно, ну так и отвечай словесно!».

– ...Двадцать на четыре – восемьдесят, да плюс четыре, – продолжала я очень серьезно, будто раздумывая, – да плюс еще девять – это тот «хвостик», три дня... Вот и выходит в месяц девяносто три первых урока. Неплохо для нача...

Ноги мои забились в воздухе. Гарольд поднял меня за шиворот – воротник впился в шею.

– Идиот! Пусти!

У него было взрослое, очень злое лицо. А глаза – те вообще старческие, сумасшедшие. Он ненавидел меня в этот момент – сильнее, чем завучиха. Даже, может быть, сильнее, чем тот ненормальный нищий в харчевне «Четыре собаки». Ему хотелось бить меня головой о землю, бить и бить, пока я не умру.

За то, что я опозорила его перед Обероном. За то, что я тупица, деревяшка, безмозглая балда и он ничему не смо-

жет меня научить никогда-никогда. А Оберон велел меня научить. А Гарольд не может, потому что я тупее поварешки. А Оберон велел. А Гарольд не может, потому что я пустоголовее овцы. А Оберон велел! И это замкнутый круг, из него нет выхода...

Я испугалась: ведь он маг, хоть и младший. И я не знаю точно, умеет ли он убивать взглядом; если умеет – мне точно конец.

И, ни о чем не думая, а только желая спастись, я провела рукой перед его лицом и прошептала:

– У зла нет власти...

Получилось, будто я стерла пыль со стекла. На самом деле, конечно, никакого стекла между нами не было – но лицо Гарольда вдруг изменилось, просветлело. Он перестал буравить меня глазами и заморгал, как от яркого света. И почти сразу меня выпустил.

Я быстренько отползла в сторону. Оглянулась: видел ли кто? Придут ли ко мне, в случае чего, на помощь?

Гарольд стоял и смотрел на меня – как будто впервые видел. Смотрел, смотрел...

– У тебя есть магические способности, – сказал одними губами.

Повернулся и куда-то ушел.

Часов в пять вечера (время я определяла наугад), когда солнце было еще высоко, труба в голове колонны сыграла сигнал, которого я раньше не слышала. Оказывается, он означал надвигающуюся бурю.

Началась суета.

Посреди чиста поля составили телеги и кареты – кольцом. В центр собрали людей и лошадей, соорудили навесы. Я видела, как Оберон на своем крокодилоконе объезжает лагерь, и навершие его белого посоха смотрит то в землю, то в низкое, быстро темнеющее небо.

Мимо нас с Гарольдом прошел принц. Улыбнулся мне:

– Лена, если вечером вам станет скучно и вы захотите поболтать... Мы с высочествами будем в большом шатре. Заходите по-простому.

Я кивнула, не глядя на Гарольда.

Стемнело слишком рано. Налетел ветер. Тучи ползли такие свинцовые, такие жуткие в них закручивались смерчи, что страшно было смотреть.

– Если ты идешь в большой шатер, – сказал Гарольд, – то лучше сейчас. А то потом смочет.

– А если не иду?

Гарольд помолчал.

– Тогда залезем под телегу. Моя мать нам поужинать даст.

Он все еще смотрел в сторону. С обеда – с того самого момента, как обнаружались мои магические способности, – он не решался посмотреть мне в глаза.

– Ну, полезли, – сказала я неуверенно.

На земле под телегой было не очень чисто, зато душисто и мягко от рассыпанного сена. Справа и слева свисали опущенные борта, почти не пропускали ветер. Я так устала за этот день, что просто растянуться на куче соломы казалось королевским, неслыханным удовольствием.

Сверкнула молния. Даже под телегой на какое-то мгновение сделалось светло.

– Гарольд... А что Оберо... его величество делал? Зачем этот круг?

– Защита лагеря. Дождик промочит, но ни молния, ни смерч, ни смырк не пробьются.

– А что такое смырк?

– Ты не знаешь, что это такое?

Он не издевался. Он в самом деле удивился, как можно не знать таких простых вещей.

– У нас их нет, – сказала я осторожно. На самом деле я не была уверена. Я ведь не все на свете знаю. Может быть, у нас где-то есть и смырки.

– Ну... это такая тварь, зарождается в грозовом фронте... Ты знаешь, что такое грозовой фронт?

– По географии учили.

– Ну... вот. На самом деле смырк – это как огромная тон-

кая рука, на ней сто пальцев или больше, они все перепутаны. Падает с молнией и хватает человека в горсть.

– И что? – спросила я напряженно.

– И все. Представь, что ты на сильном ветре держишь пепел в горсти... Его уносит. Вот так же и с человеком.

Снова ударила молния.

– Опа, – сказала я потрясенно.

– Да не бойся... Здесь их мало. Считай, почти и нет. А вот когда мы перейдем границу...

Мы помолчали. Снаружи пошел дождь. Телега поскрипывала, сверху сыпался песок – там кто-то сидел под навесом, негромко переговаривался. Потом женский голос стал громче:

– Гарольд! Вы с Леной кашу будете, которая с обеда осталась?

– И вино, – мрачно сказал Гарольд. – Горячее.

– А я не пью вина, – пробормотала я тихонько.

– Ну, глотнешь один раз. Чтобы согреться.

– А мне не холодно...

Я сказала это и сразу же начала дрожать.

– Я сейчас подогрею, – сказал Гарольд. Он вытащил нож, проковырял в земле дырку, воткнул туда нож кверху лезвием. Лезвие сперва засветилось белым, потом на глазах начало краснеть. От него шел неярко свет – и тепло, как от электрического обогревателя.

– Здорово. Научишь?

У него сделалось такое лицо, что моментально пожалела о своем вопросе.

Приподнялся борт телеги. Я увидела небо, серо-черное, и тонкую радужную пленку, вроде как мыльный пузырь, между нами и этим небом.

– Что это?

– Каша, – сказала милая женщина, мать Гарольда, подсовывая нам деревянный поднос с едой. – И вино. И хлебушек. Ешьте.

Борт снова опустился.

– Что это было? Такое... разноцветное?

– Да Оберонова защита, – сказал Гарольд равнодушно. – Он поставил видимую, чтобы лошади не боялись. Ну и для тебя, наверное...

– Для меня?

– Ты же его любимица, – заявил Гарольд неожиданно зло.

Взял с подноса кружку с вином, отвернулся.

– И зачем я в большой шатер не пошла? – спросила я сама себя – вслух.

– Так иди. Там принц с высочествами. Иди.

Мне захотелось надеть ему на голову тарелку с кашей. Его жалеешь, понимаешь, к нему проявляешь чуткость, а он...

– Ну что ты все сначала? Как будто я виновата.

Он молчал и сопел.

– Хочешь, я пойду к Оберону и скажу, что ты прекрасный учитель, просто я тупая ученица? И не могу поэтому учить-

ся?

Снаружи грохнул гром и страшно взвыл ветер.

Острие ножа перестало светиться. Под телегой сделалось темно.

– Ты вот что, – сказал Гарольд. – Ты... запомни. Мне Оберон велел тебя выучить. И значит, я или выучу тебя, или сдохну прямо на уроке. Причем если я сдохну – это будет означать, что я не справился... И не вздумай ничего говорить его величеству, иначе я тебя убью!

Глава 8

Хрустальный грот

Под утро я так задубела под телегой, что даже зубами стучать не могла. Очень кстати оказались бы магические умения Гарольда. Но когда я поинтересовалась, как мне согреться, – он, такой же синий и продрогший, посоветовал:

– Побегай.

И я принялась нарезать круги по мокрой траве.

Вот удивительное дело: дома я после такой ночи слегла бы с воспалением легких. А тут ничего: поднялось солнышко, я согрелась и за весь день даже ни разу не чихнула. Вот это настоящее волшебство!

И еще: дома я бы ни за что не продержалась столько часов в седле. А тут едем и едем, и хоть ноги, конечно, побаливают (а место, откуда они растут, тем более), но особенных каких-то страданий на мою долю не выпало.

А дорога на третий день нашего пути вышла сказочная. Караван спускался в низины и поднимался на вершины холмов, и всякий раз перед нами открывались то черный лес с острыми верхушками, то озеро с изумрудной водой, то раз-

валины города – дух захватывало. Мы с Гарольдом по-прежнему держались в середине колонны. Оберон ехал впереди. Приподнявшись в стремях, я могла видеть наверхие его белого посоха.

Когда мы проезжали мимо развалин, из-под камня у самой дороги метнулось что-то зеленое, похожее на обрывок бархатной тряпки, взлетело на высоту трех человеческих ростов и пропало за остатками городской стены. Я от неожиданности натянула поводья так, что серый конек обиделся.

– Что это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.